

Лора Бекитт

Сильнее смерти

Бекитт Л.

Сильнее смерти / Л. Бекитт —

Сердце юного самурая Акиры покорила прекрасная Кэйко. Но любовь их запретна – девушка живет в доме влиятельного князя Нагасавы в качестве наложницы и должна родить господину наследника. Не сумев скрыть взаимной симпатии, молодые люди навлекают на себя гнев Нагасавы. Разъяренный князь бросает юношу в яму с водой, а беременную Кэйко сажает под замок. Акира спасается из смертельной ловушки и бежит в горы. Он уверен, что больше никогда не встретит любимую, но судьба распорядится по-иному...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лора Бекитт

Сильнее смерти

ПРОЛОГ

*Выполнение долга должно быть безукоризненным,
а твоё имя – незапятнанным.*

Путь война

Это произошло более пятисот лет назад, в эпоху правления сегунов¹ рода Асикага – в период раздробленности страны и всеобщей смуты.

Господин Нагасава принадлежал к букэ – военной аристократии, состоявшей при дворе сегуна. Он имел обширные земельные владения в провинции Сэтцу, главным управляющим которыми назначил господина Ясуми, своего ближайшего сподвижника и друга детства.

В 1449 году был раскрыт заговор, целью которого являлся захват земель господина Нагасавы и изгнание его из родового замка. Во главе заговора стоял Ясуми.

Попав в руки самураев Нагасавы, он принял мучительную и позорную смерть. Его родственники и слуги также были казнены, имущество разграблено, а вход в усадьбу заколочен.

Однако вскоре Нагасаве доложили, что из пустого дома доносится детский плач. Оказалось, плакал младший сын Ясуми, которому не исполнилось и года. Мальчик остался незамеченным в пылу схватки самураев Нагасавы с людьми предателя.

По известным только ему причинам Нагасава пощадил ребенка. Он отдал его в семью одного из наиболее преданных вассалов, приказав воспитать мальчика в духе лучших самурайских традиций.

¹ Сёгун – титул высшего феодального правителя Японии, которому принадлежала реальная власть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

*Не то чтобы я не видел тебя, не то чтобы видел,
Но, вспоминая тебя, я грущу целый день.*

Исэ-моногатари²

Акира проснулся на рассвете, когда мутно-белая бумага сёдзи³ мягко поглощала в себя первые солнечные лучи. Он сразу вскочил на ноги, как вскакивал всегда, и поспешил наружу – взглянуть на горизонт, на уходящие вдаль могучие горные цепи.

Чуть прищурив зоркие глаза, юноша наблюдал за таинственным течением легчайших облаков, глядел на кажущиеся игрушечными, не больше мизинца ребенка, темноствольные сосны на склонах гор.

Потом вернулся в дом, умылся и причесался. Вошла госпожа Отомо, его приемная мать, с миской клейкого риса в руках. Она улыбнулась, отчего на ее лице заиграли мелкие морщинки. Супруги Отомо не имели своих детей, и Акира всегда видел от этой женщины только доброту и ласку.

– Какие красивые у тебя волосы! – сказала она, любуясь длинными блестящими прядями.

Сегодня Акира сделал прическу с особой тщательностью: господин Нагасава приказал с самого утра явиться к нему в замок.

Поставив миску с рисом на низенький столик, мать протянула юноше чашку подогретого саке.

– Выпей. Сегодня тебя ждет господин.

Акира молча принял чашку из ее рук с благодарностью за то, что она так хорошо его понимает, и принялся пить неторопливыми маленькими глотками.

Он проверил, в порядке ли оружие, затем надел верхнее платье и вышел из дома.

– Господин очень много сделал для нас, – прошептала мать, провожая Акиру до ворот.

Юноша притворился, что не слышит, и не оглянулся. Женщины имеют обыкновение повторять то, что всем давно известно, и его мать не являлась исключением.

Ныне покойный приемный отец Акиры был очень предан господину Нагасаве. Но он также питал большую слабость к саке и своей постели. Туповатый, добродушный и ленивый, он не оставил жене и приемному сыну сколько-нибудь значительного имущества, что было равносильно катастрофе.

Как совсем молодой и неопытный воин, Акира получал ничтожное жалованье и едва ли смог бы содержать усадьбу. Однако его матери нередко приносили то рис, то связку сушеной рыбы, то отрез ткани. Акира прекрасно понимал, чьи это дары. Но сейчас юноша старался не думать о подарках: такие мысли обычно наполняли его душу благодарностью и смущением.

Замок располагался на большом пологом холме, над рекой. Посреди высилась четырехэтажная башня с узкими зарешеченными окнами – самое большое сооружение, возведенное человеческими руками, какое когда-либо видел Акира.

Молодой человек шел, глядя прямо перед собой, и, хотя лицо его казалось непроницаемым, сердце взволнованно трепетало в груди.

² Перевод Р. В. Котенко.

³ Сёдзи – бумажные раздвижные стены на деревянном каркасе в японском доме.

Пытаясь отвлечься, он вновь посмотрел на горы. Солнце растопило безжизненную пелену инея, обрамлявшего иссиня-черный лес, блеклая дымка, окутывавшая вершины, таяла, – вероятно, выдастся ясный день. Юноша чувствовал на своем лице дыхание свежего, сильного и теплого ветра. Он на мгновение закрыл глаза. Ветер словно принес ему тайную весть о том, что находится там, за этими горами, в том большом мире, где он еще не бывал.

Скоро весна... В лужах мерцала вода, солнце озаряло прилепившиеся на склонах холмов усадьбы – путаницу низких деревянных построек.

Акира посмотрел на украшенные резьбой крыши и карнизы замка. Как, должно быть, прекрасно там жить! Его приемные родители обитали в тесном домике с тростниковой крышей, по утрам госпожа Отомо с трудом заталкивала в крошечную кладовку зимние стеганные покрывала.

Перед тем как войти в дом, юноша, согласно обычаю, отстегнул меч и отдал его людям господина Нагасава. Ему приказали подождать, и Акира стоял, изо всех сил борясь с робостью – ему казалось, что слуги исподволь разглядывают его. Молодому человеку очень хотелось выглядеть невозмутимым и суровым, глубоко равнодушным к окружающей его суете.

Наконец он вошел в прихожую, примыкавшую к главной комнате. Вероятно, хозяин еще не завершил предыдущий разговор – из комнаты доносились голоса: самого Нагасава и еще чей-то, скрипучий и тонкий, похоже, его жены.

Нагасава говорил каким-то странным тоном, сдержанно, глухо и... не слишком решительно.

– ...необязательно самурайского рода, пусть из богатой купеческой семьи, главное, чтобы она смогла родить. После ее можно отправить обратно.

– Как вам будет угодно, – устало и равнодушно отвечала женщина.

Дверцы раздвинулись, и Тиэко-сан вышла в прихожую. Акире показалось, что ее маленькие черные глаза-бусинки блеснули злобой, совсем как у крысы, недавно попавшей в ловушку в одной из построек усадьбы.

По непонятной причине эта женщина внушала ему опасение. Тиэко-сан происходила из знатного самурайского рода, и, вероятно, господин Нагасава очень почитал и уважал ее, потому что никогда не брал ни других жен, ни даже наложниц. Возможно, в молодости она и была красива, теперь же казалась почти уродливой: маленькое сморщенное лицо, покрытые коричневыми пятнами худые и жилистые руки. Она всегда носила серое в неброский мелкий цветок кимоно и никогда не пользовалась ни белилами, ни пудрой.

Господин Нагасава, напротив, выглядел бодрым и крепким. Акира не уставал восхищаться каждой чертой благородного лица своего господина, его полными достоинства движениями, такими же отточенными и предельно рассчитанными, как взмахи руки художника, держащего в пальцах кисть.

Молодой человек вошел и смиренно поклонился, тогда, как его восторженный взгляд примечал каждую мелочь. Какая красивая, полная теплых теней комната, зеркальный блеск лакированных полов! Колебания янтарного света на стенах – точно игра пламени на поверхности украшенной золотой росписью драгоценной шкатулки! А нефритовая застежка на поясе господина, его черное шелковое кимоно и зеленый вощенный веер...

– Входи! Давно я тебя не видел. Как поживает Отомо-сан?

– Благодарю вас, господин. Она здорова, – отвечал юноша, чувствуя, как язык буквально прилипает к нёбу.

Некоторое время Нагасава расспрашивал Акиру о том о сем. Но тот догадывался, что господин позвал его за чем-то важным, и ждал.

Нагасава не имел детей и открыто благоволил к Акире... Что это могло означать? Зачем могущественному даймё⁴ вести себя так с ним, одним из многих?

Акира был неопытен в жизни и еще не постиг смысла выражения: «Естественное внутри, человеческое – вовне». Пока он мало задумывался над тем, что зачастую движения души, кровавые желания и мысли человека могут не совпадать с его действиями.

– Мне нужно съездить в Киото. Ты там не бывал. Будешь меня сопровождать.

Акира снова поклонился, ничем не выдав своих чувств. Съездить в Киото! С самим господином Нагасавой!

– Скоро придет время подыскать для тебя невесту, – сказал Нагасава. – А пока пользуйся возможностью повидать мир...

Через некоторое время, случайно вспомнив невольно подслушанный разговор, юноша задал себе вопрос: о ком господин Нагасава говорил с женой? Впрочем, вряд ли это имело какое-либо отношение к нему, Акире. Речь шла о купеческой семье, а он самурай, значит, женится только на девушке самурайского рода. Нагасава должен это понимать, как никто другой.

Оставшись один, Нагасава задумался. Ему нравился этот юноша с ясными глазами. Не будь Акира сыном того самого навеки проклятого предателя Ясуми, возможно, он даже усыновил бы его, сделал своим наследником.

Сила не может быть истинной, если она не дополняется чем-то еще, например великодушием. Когда-то он пощадил ребенка, подчинившись, казалось бы, необъяснимому движению души, – необъяснимому, поскольку на свете издавна существует весьма разумный закон: не оставляй в живых никого из тех, кто способен тебе отомстить.

Нагасава отдал мальчика на воспитание в семью Отомо и последующие шестнадцать лет не забывал о том, кого лишил не только родных, но и знания о своем прошлом. Все люди Ясуми были либо казнены, либо убиты в схватке, либо покончили с собой, – все, кроме одного или двоих, коим удалось бежать. Остальные, включая супругов Отомо, молчали так крепко, словно им отрезали язык.

Нагасаве доставляло болезненное удовольствие заботиться об этом мальчике, который поклонялся ему в слепой, невинной и угрожающей простоте. Он неслучайно решил взять Акиру с собой в Киото. Он любил этот город и прежде проводил в нем много времени.

После случая с предательством Нагасава решил обосноваться в замке и не прогадал: ему удалось сохранить то, что потеряли многие даймё, беспечно доверившиеся управляющим. Он устранил наследственные должности, строго следил за дисциплиной среди начальников войска, требовал заботы высшего о низшем и беспрекословного подчинения последнего – первому. Он никому не доверял и всюду засылал своих шпионов, которым не доверял тоже.

Так прошло много лет, в течение которых Нагасава был вполне доволен собой. А потом вдруг понял, что все изменилось. Прежде ему доставляло удовольствие просыпаться, вставать, есть и пить, отдавать приказы своим самураям. А теперь... Все эти мелкие действия стесняли его, казались ненужными – он сполна ощутил тяжесть привычки. Он утратил чувство «очарования вещей», все они казались ему мертвыми, хотя он прекрасно понимал, что мертвы не они, а он сам. Дни превратились в груз, его путь казался загроможденным кучей беспорядочно наваленных камней, которые он не мог раскидать – не оттого, что ослаб физически, а потому что утратила силу его душа.

Нагасава знал: выход есть, он обязательно найдется, – и принялся разбираться в себе. Спустя некоторое время ему показалось, что он понял. На протяжении многих лет самураи, о которых он заботился и которыми руководил, были его большой семьей. Конечно, время от времени его посещали граничившие с тревогой мысли о наследнике, но потом он вновь погру-

⁴ Даймё – феодальный князь, управляющий уделом или княжеством.

жался в каждодневную суету, и тревога отступала. Сначала Нагасава собирался оставить все племяннику, сыну своего двоюродного брата, но пару лет назад тот погиб в одной из междоусобных войн.

Жена Нагасава, Тиэко-сан, была старше его на три года, а теперь казалось, что на все десять. Она отличалась от столичных женщин – изящных игрушек в богатых домах. Именно Тиэко некогда помогла раскрыть заговор Ясуми с помощью личных шпионок (как известно, женское ухо способно услышать даже шепот ветра!), и супруг ценил ее, самоотверженную, мужественную, немногословную.

Акира ошибался: в молодости у Нагасава было три наложницы, но все они, одна за другой, умерли в его отсутствие. Винить было некого: в те времена в Сэтцу свирепствовала оспа. Однако с тех пор Нагасава предпочитал не брать женщин в свой дом и, если возникала потребность развлечься, делал это вдали от замка, например, когда ездил в Киото.

Нагасава долго не мог найти повода заговорить с женой о принятом решении, хотя знал: она не возразит не то чтобы словом, а ни единым жестом и взглядом. А если бы возразила, то что сказала бы она? Наверное, заметила бы, что иллюзии губят людей, а застарелые мечты высасывают из них последние соки. Впрочем, едва ли Тиэко подозревала, что в его душе еще способны просыпаться мечты!..

Акира не мог избавиться от внутренней дрожи – она одолевала его с утра, едва он выбрался из-под теплого покрывала и взял в руки поданную матерью чашку с горячим чаем, и только усилилась во время недолгих сборов, когда видимая сосредоточенность то и дело прерывалась вспышками испуга: не забыл ли чего?! Потом дрожь предвкушения преобразилась в дрожь восторга: это свершилось! Он, натянутый как струна, ошеломленный и открытый, – в седле, в свите господина Нагасава, на дороге, ведущей в Киото!

Скованная ночным холодом земля была твердой как камень, и звук ударов нескольких десятков конских копыт разлетался во все стороны. В этот предрассветный час пейзаж выглядел точь-в-точь как на одной из тех бесценных картин, что собирал господин Нагасава: едва проступавшие сквозь пелену тумана застывшие горные вершины, размытые мазки темно-серой и черной туши, которыми нарисованы камни...

Акира радовался тому, что предстоит долгий путь: возможно, он не раз и не два увидит лицо господина, услышит его голос. Стоило Нагасаве оглянуться, пусть даже мимоходом, случайно, как юноше начинало казаться, будто он всей кожей чувствует взгляд этих глубоких, неподвижных глаз, загадочно темнеющих на спокойном, величавом лице.

Он приготовился к чему-то необычному, потрясающему, совершенному, потому даже звон колоколов в буддийских храмах, глуховато раздавшийся в сыром и прохладном воздухе, вызвал в его душе сладкую истому. Он столько слышал о холодной и пронзительно суровой красоте Киото, что был слегка разочарован тусклым и однообразным видом стоявшего в низине города: вереница унылых крыш, безликие стены, рвы с водой... А где же изящные решетки, золотые колонны и цветные черепицы? Акира решил набраться терпения и подождать, пока они въедут в город.

Очувтившись наконец на улицах Киото, Акира с трудом удерживался от того, чтобы не вертеть головой из стороны в сторону. Гигантские ворота на южной границе стрелой рассекавшего город проспекта Судзаку, живые изгороди, крошечные садики, искусственные парки. Множество простого люда в одежде из грубой ткани и деревянных сандалиях-гэта, надетых на босу ногу – Черты лиц резкие и усталые, и сами лица – чайно коричневые, совсем как у крестьян в Сэтцу. Акира слышал, будто кожа у столичных женщин белая, точно свежеснеженный снег, а волосы – длинные-длинные и струятся вдоль тела, ниспадая на роскошные одежды. Таких женщин здесь не было, – возможно, они прятались там, в тени паланкинов, за золотистыми занавесками или еще дальше – в недостижимой глубине особняков...

Они остановились в богатой гостинице близ восточного буддийского храма Годзи; после короткого отдыха часть самураев осталась при господине, а другим было позволено осмотреть город.

Акире очень хотелось войти в какой-нибудь храм, но он не знал, можно ли это сделать. И еще он мечтал увидеть дворец императора.

Странно, но его не покидало ощущение неуютя, разочарованности. Все вокруг казалось чужим, словно бы в его руки попал свиток некоего прекрасного произведения, развернув который он с удивлением и досадой обнаружил, что текст написан на незнакомом языке.

Акира ожидал увидеть огромное пространство, но все выглядело каким-то тесным, плоским, приземленным. Было мало неба, оно казалось втиснутым в мир и странно ненастоящим по сравнению с теми просторами, какие окружали Акиру дома. Горы, открывавшиеся его взору каждое утро на горизонте, были куда величавее этих взмывающих в небеса многоярусных строений, но... каким же маленьким и бедным по сравнению с дворцами Киото был замок господина Нагасавы!

Ошеломленный своими открытиями, молодой человек беспомощно крутился на месте до тех пор, пока его не окликнул Кикиути, самурай всего несколькими годами старше и рангом чуть выше Акиры. Юноша не любил этого человека – тот всегда насмешничал и заносился. Но делать было нечего, здесь они оба – приезжие, чужие и, значит, должны держаться – вместе. К тому же Кикиути, как выяснилось, уже бывал в столице и мог взять на себя роль проводника.

Когда Акира признался, что хотел бы осмотреть храмы и дворец императора, молодой самурай поднял его на смех:

– Храмы! Что ты там не видел! Все храмы одинаковы! А во дворец тебя все равно не пустят. Лучше я покажу тебе такое место, где ты еще точно не был.

Он подбоченился и хитровато взглянул на юношу. Только тут Акира заметил, что Кикиути нарядился: короткое верхнее кимоно с изысканным орнаментом, голова покрыта накидкой в красно-черную полоску, на ногах – дзори, легкие бамбуковые сандалии.

– Куда ты собрался? – наивно спросил Акира.

Кикиути захохотал. Его черные глаза победоносно сверкали.

– В «веселый квартал»! Я уже не раз там бывал. Пойдем, не пожалеешь! Или ты боишься женщин?

Щеки Акиры запылали. Он изготовился выхватить меч, но сдержался.

– Ладно, идем.

– Деньги у тебя есть?

– Да, немного.

Вообще-то он хотел купить подарок матери. Но может быть, хватит на то и на другое? Акира понятия не имел, сколько стоят подобные развлечения.

Они пошли по улице, неторопливо, степенно, как завзятые горожане. Суетливые крестьяне привычно уступали самураям дорогу. Мостовая сотрясалась под тяжелой поступью буйволов, запряженных в огромные повозки. С лица Акиры не сходила тень сомнений, и, несмотря на то и дело всплывающие из недр сознания соблазнительные образы и картины, время от времени в его сердце вонзались ледяные иглы страха.

Город был озарен лучами заходящего солнца: играющие на стенах темных домов, они напоминали золотые иероглифы на черных табличках.

Дом, в который привел его Кикиути, выглядел дорогим: ярко-белая поверхность стен, кровля из голубой черепицы. Внутри тоже было богато: лаковая утварь, золотые ширмы, потолки из плетеных бамбуковых панелей, окна с раздвижными створками, оклеенные полупрозрачной бумагой. В полумраке бледнели чьи-то лица. Им навстречу вышла немолодая женщина в темной одежде, потом появилась еще одна, и Акира невольно замер. Лилейно-белое

лицо, черные полосы бровей, блестящие глаза, маленький алый рот, стянутые на затылке золотистым шнурком отливающие глянец волосы...

С радостным сердцем он шагнул навстречу ожившему видению, но его опередил Кикиути – тот первым приблизился к женщине и властно протянул ей руку. Следом появилась другая девушка, очень похожая на первую, – в персикового цвета кимоно с геометрическим узором, тоже ярко окрашенная, но юноше больше понравилась первая, та, что показалась ему похожей на диковинный цветок.

«Что ж, – подумал Акира, утешая себя, – пусть недостижимость, невозможность – самое грустное, что есть на свете, но именно они придают жизни некую печальную красоту».

Он плохо помнил, что было дальше. Кикиути смеялся и разговаривал с женщинами, Акира молчал, внутренне сжавшись, и выглядел еще более замкнутым, серьезным, чем всегда.

Саке не взбодрило его, и он оставался таким же деревянным, когда уединился с девушкой в маленькой комнатке за расписной ширмой, в облаке благовоний, в дымке неяркого света. Девушка в персиковом кимоно не сказала ни слова. Она мягко принудила его опуститься на циновку, и он впервые ощущал, как к нему прикасаются легкие нежные женские ручки. Ни единым взглядом или жестом не дала она ему почувствовать себя таким, каким он был: неопытным, неловким, неумелым. И он готов был отдать ей – в десять раз больше денег, чем позволяло содержимое его кошелька...

Возвращаясь обратно, юноша молчал. Ночной ветер охлаждал разгоряченное тело. Кикиути зубоскалил и похвалялся, и Акира радовался, что в темноте тот не видит его лица.

Луна заливала город похожим на серебряную пену сиянием. Листья деревьев сверкали, как от росы. Акира думал о том, какие перемены грядут теперь в его жизни. Станет ли он иначе смотреть на вещи? А если изменится взгляд, изменят ли свое направление жизненные события, обретут ли новый смысл? Или все случившееся так и останется там, в ночи: горячие прикосновения, тайное, на грани многих других чувств, напряжение страсти? Душа успокоится и сохранится лишь память тела?

Через день господин Нагасава внезапно вызвал его к себе. Акира опасался, что речь пойдет о какой-то провинности, но он напрасно тревожился: Нагасава был настроен дружелюбно и только спросил, понравился ли ему город.

– Да, очень, – совершенно искренне ответил Акира.

– Но это не тот Киото, который я некогда любил. Тот остался в моих воспоминаниях и снах, – сказал Нагасава.

В его тоне не было сожаления, он говорил отрывисто, равнодушно, и его взгляд оставался непроницаемым, неподвижным.

А потом господин протянул юноше нечто такое, отчего у Акиры перехватило дыхание. Великолепный, украшенный бронзовыми пластинами и шелковой шнуровкой шлем и отделанный кожей и замшей, склепанный из железных пластин нарядный панцирь с красно-белыми кистями и изображением карпа на груди.

– Возьми. Примерь.

Акира чувствовал, как дрожат кончики пальцев, прикасавшиеся к доспехам. Шнуровка путалась, как путались мысли, он казался себе удивительно неуклюжим, неловким. Наконец ему удалось облачиться. Панцирь сидел как влитой, и шлем пришелся впору. Акира с благоговением смотрел на своего господина.

Нагасава отвечал трезвым, спокойным взглядом.

– Я знал, что тебе подойдет. Носи. Это подарок.

Акира не знал, что сказать в ответ. К нему словно склонились небеса! О, если б господин подарил ему еще и меч взамен того, простого, в черных ножнах, какой он обычно носил, его счастье было бы беспредельным! Но об этом, право, не стоило даже мечтать!

Внезапно вошел один из слуг и, низко поклонившись, что-то пробормотал Нагасаве. Тот кивнул Акире и вышел. Юноша остался один. Некоторое время он восхищенно разглядывал себя со всех сторон, но потом ему стало неловко оттого, что он вертится, словно женщина, примеряющая новое кимоно.

Снова вошел слуга и осторожно опустил на циновку что-то, завернутое в шелковистую бумагу. Из свертка выглядывал кусочек нежно-розовой материи. Молодой человек подошел ближе и, повинувшись непреодолимому желанию, отогнул край бумаги. Там лежали аккуратно сложенное кимоно дорогого киотоского шелка, густо затканное цветами и птицами, широкий пояс оби из парчи, плетеная шляпа с алыми завязками, драгоценные черепаховые гребни и лакированная коробочка с рисовой пудрой – словом, все, что может понравиться молодой девушке. Кому господин Нагасава собирался преподнести такой подарок? Не Тиеко же сан! Юноша представил эту женщину в розовом кимоно, и ему стало смешно.

Тут его мысли оборвались; заслышав шаги, Акира поспешно прикрыл покупки бумагой.

Вошел Нагасава и резко остановился, словно внезапно вспомнил об оставшемся в комнате юноше. Небрежно махнул рукой:

– Можешь идти.

Акира почувствовал, что нужно что-то сказать.

– Я гляжу на вас, как на небо, мой господин! Клянусь, что всегда...

И умолк, видя, как Нагасава усмехается уголком рта.

– В мире нет и не может быть постоянства, особенно между людьми. Вечны лишь боги. Я не люблю клятв – слишком часто видел, как их нарушают. Клянись в своем сердце, тайно, без слов. Отвечать будешь только перед собой, а это сложнее всего.

Акира заморгал. «Господин прав», – подумал он, вспомнив, что имел дерзость высказывать собственные суждения о замыслах своего владыки и заглядывать в его вещи. И все-таки его пылкость была вполне искренней.

– Я отдам вам свою жизнь, если нужно...

– Твоя жизнь? Пока она ценна только тем, что ты молод. Впрочем, мне нравится твоя искренность. В юности я тоже не взвешивал слова, не противился мыслям. Был глуп, когда хотел казаться умным, и в простоте проявлял мудрость.

С этим он отослал озадаченного Акиру.

Вечером, укладываясь спать, юноша неожиданно понял, что думает не о разговоре с господином Нагасавой, не о новых доспехах, а о том, что в самом деле пора жениться. Отомосан очень добра, она охотно примет его жену. И он подарит этой пока еще незнакомой ему женщине такое же дорогое кимоно, плетеную шляпу и рисовую пудру, чтобы ее лицо было белым-белым! И каждую ночь на вполне законном основании он станет предаваться с нею тем самым бесстыдным и жарким играм. Какой она будет? Он представлял ее в вещах, виденных в комнате господина Нагасавы, – то была оболочка еще неизвестного образа. Глаза пока без выражения, губы – без улыбки, а тело... как у той безымянной красавицы из «веселого квартала», первой и единственной женщины, побывавшей в его объятиях. И, конечно, господин Нагасава должен одобрить его выбор, иначе просто не может быть.

ГЛАВА 2

*Этот мир земной – Отраженное в зеркале Марево теней.
Есть, но не скажешь, что есть. Нет, но не скажешь, что нет.
Минамото Санэтомо⁵*

Акира вернулся домой в разгар весны, и его сразу охватило чувство, будто он прозевал очень многое, – все было таким разбуженным, движущимся, обновленным. С гор сползали снега, теплый ветер носился над полями, по высокому небу разметались светлые, легкие, будто пух, облака, и долина была окутана бледно-голубой дымкой. Сады тонули в бело-розовом цвету – хрупкие, неподвижные чашечки казались фарфоровыми. Желтовато-коричневые шершавые стволы и ветки сосен сочились остро пахнущей смолой. Звуки тоже проснулись – всюду слышался звон ручьев и пение птиц.

«Весна напоминает нам о молодости, а еще... о бедности», – как-то сказала Отомо-сан.

Да, это тоже было. Все обнажилось – неровная серая земля, тонкие и бесцветные, словно старушечьи космы, пожухлые прошлогодние травы, горы в изломах и пятнах. В ярком, слепящем глаза свете стены дворовых строений выглядели темными и ветхими. В доме витал запах сырости – за зиму отсырели татами⁶ и покрывала. Даже домашние животные были отощавшими и неухоженными.

Стоило Акире переступить порог, Отомо-сан мигом согрела воды, чтобы он мог помыться, сварила рис и приготовила чай. Она села рядом и, пока он ел, радостно смотрела на него, маленькая, худенькая, неопределенного возраста женщина в застиранном кимоно.

Ей хотелось узнать о его поездке, но рассказывать было нечего. В одном из уездов случился бунт крестьян (обычное дело в это время года), Нагасава направил туда отряд самураев, и Акиру в их числе.

– Как здоровье господина? – спросил юноша, с удовольствием поглощая еду.

Лицо женщины расцвело благодарной улыбкой.

– Думаю, неплохо. Он меня не забывал – опять прислал рису, а то не представляю, чем бы я кормила людей.

Акира воспринял это как упрек, хотя и знал, что у нее не было никакой задней мысли. А Отомо-сан продолжала:

– Замечательный человек наш господин! Жаль, что у него нет детей. Ну ничего, может быть, эта молоденькая наложница родит ему сына!

Акира застыл с чашкой в руке. Молоденькая наложница! У него зарябило в глазах. Розовое кимоно, шляпа с алыми завязками, черепаховый гребень и рисовая пудра! Как же он был глуп! Его брови приподнялись, губы слегка зашевелились, на лице застыло недоуменно-вопросительное выражение. Он моргал широко раскрытыми глазами, словно силился поймать взглядом нечто неуловимое.

А Отомо-сан все говорила:

– Болтают, она из богатой купеческой семьи. Господин Нагасава привез ее из Киото. Уж не знаю, насколько богата эта семья, там, кажется, одних дочерей-то с десяток. Наверное, отец этой девушки был рад избавиться от лишнего рта.

– Ты ее видела?

– Конечно нет.

– А откуда ты все это знаешь?

⁵ Перевод В. А. Пронникова.

⁶ Татами – соломенные циновки для настилки пола.

– Да ведь в замке полно служанок, так что любая весть рано или поздно просочится за его стены.

Акира молчал. Он словно окаменел. «Привез из Киото!» Значит, он ездил туда снова и выбрал ее, одну из десяти, чтобы она родила ему сына! Родного сына! Это было глупо, но в душе юноши полыхала обида. Он чувствовал себя обманутым в чем-то сокровенном, в каких-то смутных и в то же время глубоких надеждах, в которых не смел признаться даже самому себе...

Последующие дни Акира ходил понурый, загадочно молчаливый. Он не считал возможным сердиться на господина, но эта неведомая женщина вызывала в нем далеко не добрые чувства. Разумеется, он при всем желании не мог увидеть ее – она находилась где-то там, в замке, в глубине комнат. И все-таки вопреки желанию он часто думал о ней и представлял, какая она.

А потом ему пришлось нести службу в замке, и юноша очутился в лабиринте внутренних дворов и стен. Замок был отлично укреплен: мощные двойные ворота, утрамбованные галькой земляные валы, широкие рвы с водой. Несколько раз Акира поднимал голову и бросал быстрый взгляд на зарешеченные окна башен.

Незаметно для себя молодой человек забрел во внутренний садик – по змеившейся между стен вымощенной булыжником неприметной тропинке. Он никогда здесь не был и не подозревал, что во владениях господина Нагасавы есть такие заброшенные уголки. Он увидел окруженный замшелыми камнями маленький пруд, буйно разросшиеся сорные травы. Все выглядело застывшим, пугающе неживым, под ногами скрипел холодный ковер прошлогодней листвы. Что может твориться в душе человека, чей сад так запущен и дик!

Акира хотел повернуться и поскорее уйти, но тут посреди зарослей мелькнуло что-то яркое, золотисто-зеленое, точно хвост дракона. Акира сделал шаг вперед, обогнул грудку камней и столкнулся лицом к лицу с незнакомой девушкой. Она отпрянула, не сводя с него взгляда, в котором блеснула искорка любопытства.

На незнакомке было очень яркое, травянисто-зеленое кимоно. Ее янтарная удивительно красивая кожа словно светилась изнутри. Глаза были блестящие, бойкие, живые, а волосы – тяжелые, густые – удерживали дорогие черепаховые гребни.

Акира вспыхнул. Они стояли друг перед другом: она – маленькая, хрупкая, изящная, в неуместно пестревшем на фоне неухоженности и запустения ярком столичном наряде, он – повыше, с двумя мечами в черных ножнах за поясом, заметно растерянный, натянутый как струна.

– Что вы здесь делаете? Кто вы? – Он выпалил первое, что пришло на ум.

Девушка молчала.

– Вы наложница господина Нагасавы?

– Меня зовут Хаяси Кэйко, – неожиданно смело ответила она. – А кто вы?

Он разом смутился и покорно назвал себя, прибавив:

– Я воин господина Нагасавы. – И повторил резко, тревожно: – Что вы здесь делаете?

– Прячусь. Он удивился:

– От кого?

– От всех. – В ее тоне странным образом сочетались небрежность и досада.

Акира сразу понял, что она не из самурайской семьи: невоспитанная и, должно быть, не слишком умная. Самурайские женщины не разговаривают с незнакомцами и не бродят без дела в дальних уголках сада. Не хочет работать – училась бы играть на сямисэне⁷ или заучивала бы конфуцианские заповеди. И почему господин взял такую в свой дом? Хотя Акира знал почему. Она была красивой, красивее всех женщин в долине, а еще – здоровой и молодой. Позабыв обо всем, юноша открыто разглядывал ее. Конечно, наложница – не жена, ее можно отослать

⁷ Сямисэн – трехструнный щипковый инструмент.

обратно в отцовский дом вместе с хорошей наградой, а рожденного ею ребенка оставить себе. Интересно, этой женщине известно, что ее ждет?

Заметив неодобрение в его взгляде, девушка усмехнулась и поправила прическу – широкий рукав кимоно упал, открыв туго обмотанное белой тканью запястье.

Акира уставился на повязку. Он заметил следы подсохшей крови.

– Вы поранились? – Язык не поворачивался назвать ее госпожой, и все-таки голос молодого человека прозвучал сочувственно, мягко.

– Это Тиэко-сан проткнула мне руку шпилькой. Акира невольно возмутился:

– За что?!

Она молчала. Позабыв обо всем, Акира любовался ею. Это выразительное лицо, чуть припухлые губы и глаза, сейчас глядящие куда-то вдаль, где девушка словно разглядела какое-то препятствие или глубокую пропасть...

– Нужно было пожаловаться господину, – пробормотал он.

– Ну нет! Тогда она, наверное, убила бы меня. Я сказала, что случайно напоролась на ветку.

– Вам здесь не нравится? – неожиданно для себя спросил Акира, не задумываясь над тем, к чему может привести столь доверительная беседа.

– Нет. – Ее глаза странно потемнели, стали невидящими. – Меня никуда не пускают. В Киото мы с сестрами ходили на рынок, играли в разные игры, рассказывали друг другу истории. Смеялись. А здесь скучно, ничего интересного. Служанки неприветливые, смотрят, как на чужую. Да еще эта отвратительная женщина!

Кэйко вновь умолкла. Она с содроганием думала о Тиэко-сан, с ненавистью глядящей на нее из глубины своей отверженности и старости. Господина Нагасаву девушка побаивалась, потому что не знала, как вести себя с ним. Он не казался ей ни злым, ни добрым – просто чужим. Конечно, отец рад был отдать ее в наложницы не кому-нибудь, а самому даймё, а вот она... мечтала совсем не об этом.

Кэйко прикусила губу. Почему она так легко заговорила с этим незнакомцем? Потому что совсем одна, и ей не с кем перекинуться словом? Или не только поэтому?

Господин Нагасава казался Акире самым лучшим человеком на свете, юноша не мог даже предположить, что в сравнении со своим обожаемым повелителем в чем-то выигрывает в глазах молоденькой девушки. Кэйко же видела перед собой стройного молодого человека с правильными чертами лица и ясным, открытым взором, своего ровесника, уже потому неопасного, юного воина, быть может являвшегося ей в тайных девичьих мечтах и снах. И все же он что-то почувствовал, обжигающее и зыбкое, и им обоим вдруг стало тяжело дышать. Между ними словно пронеслось странное пророческое дуновение весеннего ветра, пронеслось и заронило зерно первого робкого интереса.

– У вас тут везде такие строгие порядки? – спросила Кэйко.

– Не знаю, наверное, не везде, – ответил сбитый с толку Акира. То, что возмущало, удивляло и пугало Кэйко, казалось ему совершенно естественным и привычным.

– А вы где живете?

– Там, в долине. У нас усадьба... – Он неопределенно махнул рукой.

Внезапно у него пересохло в горле. Он улавливал звук ее дыхания и видел, как ветерок шевелит тончайшую прядку волос у нее на лбу.

– Не говорите никому, что видели меня здесь, хорошо?

– Не скажу, – неразумно пообещал он и уже не мог отказаться от своих слов.

Акира еще не разговаривал так ни с одной женщиной – никакого умничанья, безыскусность, простота и в то же время какая-то особая глубокая совместимость, душевная легкость.

«Я должен ее уважать, – подумал он, – она вовсе не глупая, просто... другая. И красивая. К тому же именно ее, а не какую-то иную женщину выбрал для себя мой господин».

Прошел праздник весны, были вспаханы и засеяны поля. По всем приметам год ожидался спокойный, с неплохим урожаем, без буйства стихий. Акира никуда не выезжал без особой нужды, был занят в усадьбе: по весне дел накопилось немало.

Однажды под вечер он вышел за ворота и остановился. Горы таяли в голубом мареве, лучи низкого солнца печально золотили листву, где-то в вышине звенели голоса птиц. Акира не двигался, молчал и внимал спокойствию окружающего пространства.

Внезапно юноша увидел, что кто-то приближается к дому. Это был нищенски одетый старик с серым лицом и ввалившимися глазами, судя по облику – странствующий монах. При нем не было никакой поклажи – только сучковатая палка. Незнакомец выглядел изможденным и передвигался с большим трудом.

Акира без колебаний шагнул ему навстречу и, почтительно поклонившись, пригласил в свой дом. Старик остановился и внимательно оглядел молодого человека. Хотя нищий странник был невероятно дряхл и грязен, его взгляд оказался на удивление пронизательным и острым.

Коротко поблагодарив за гостеприимство, монах вошел в ворота, потом – в дом, как и подобает, сняв обувь и пробормотав что-то похожее на молитву.

Акира был рад, что сегодня у них на редкость приличный ужин: хорошо сваренный рис, а к нему нимасу – мелко наструганная сырая рыба с овощами. Отомо-сан не нужно было ничего говорить: она быстро согрела воду для умывания, с привычной сноровкой расставила на циновке деревянные лаковые подносы.

Некоторое время старик (он назвался Сёкэем) ел молча. Близилась ночь – в дом постепенно вползали бесформенные, бестелесные щупальца мрака, они слизывали со стен остатки красок закатного солнца. Акира и Отомо-сан чувствовали себя неловко и тоже не произносили ни слова. Наконец странник взял последнюю горсть риса и, прищурившись, сказал, словно ни к кому не обращаясь:

– Много раз я видел этот край в своих снах, и вот теперь он предстал передо мной другим, не таким, как во сне, и не таким, каким некогда был наяву.

– Так вы уже бывали здесь, почтенный Сёкэй? – промолвила Отомо-сан.

– Даже больше – родился и жил. Теперь моего дома нет, как и некоторых других. А вот твоя усадьба уцелела, Отомо-сан. Хотя нельзя сказать, что ты живешь богаче, чем прежде.

Женщина вздрогнула:

– Кто вы?

– Цусаки.

Отомо-сан смотрела на него во все глаза.

– Это какой же Цусаки, не тот ли...

– Наверное, тот, – медленно произнес старик, отставив чашку. – Я монах лишь последние десять лет, а до этого был самураем, вот как этот молодой господин.

Акира тревожно молчал.

– Я чувствовал, что должен вернуться сюда, хотя и не хотел этого, – спокойно продолжал странник. – Душа звала меня, а разум был против. Сейчас наоборот: я понял, что поступил правильно, хотя не чувствую ни удовлетворения, ни покоя.

– Как же вы жили все это время... – женщина замешкалась, не зная, как его назвать. – ...Цусаки-сан?

Он слегка улыбнулся – его лицо прорезали глубокие морщины.

– Как жил Цусаки? По-разному. Бестолково, глупо. Без господина. Чаше – без дома. Хотя, пожалуй, господа-то были, а вот хозяин умер тогда, давно. Да и дом сгорел, настоящий дом. Сердце сгорело. Вот так.

Глаза Акиры возбужденно блеснули – он понимал старика, очень хорошо понимал. Он только хотел знать, почему этот человек не покончил с собой.

Монах, казалось, прочитал его мысли.

– Наверное, молодой господин, – как показалось Акире, собеседник произнес эти слова с еле заметной насмешкой, – намерен спросить, отчего я себя не убил? Отвечаю: потому что упустил время. Сражался, бежал от врагов, снова вступал в бой. А когда узнал, что произошло в хозяйской усадьбе, было поздно. Все утратило смысл. Я уже ничего не хотел, ни для чего не осталось сил.

– А что это было за сражение? – спросил Акира. – С кем? Давно?

Монах посмотрел на Отомо-сан:

– Молодой господин нездешний?

Голос женщины дрожал, а пальцы скребли циновку.

– Это... мой сын. Старик покачал головой:

– Я думал, Нагасава сделал из этой истории легенду. А оказывается, люди даже не знают, о чем идет речь!

– Это было так давно, – с отчаянием и мольбой прошептала Отомо-сан.

Акира встал, чтобы развесить москитные сетки. Стемнело. С улицы тянуло прохладой. Громко трещали какие-то насекомые. Ему не нравился этот разговор.

К чему старик упомянул имя господина? Обрывать монаха было неприлично и расспрашивать – тоже.

Побыв немного в одиночестве, молодой человек вернулся и застал несколько иную картину: Отомо-сан и монах спорили, открыто и резко. Акира застыл как вкопанный: он никогда еще не видел такой эту самурайскую женщину, покорную, тихую – тень мужчины.

– Не делайте этого, Цусаки-сан! Зачем это вам, уходите! – Она сжимала кулаки. – Зачем вы хотите сломать то, что я растила столько лет?! Никто не виновен, все выстроилось так само по себе, все нашло свое место – задолго до вашего появления здесь!

– Нет, ты не права, не правы вы все! Вы навязали ему свою правду, заточили в плен своей лжи его истинные чувства! Как ты могла молчать столько лет?!

– Молчал мой муж – молчала я. Если хотите, этого объяснения достаточно! – Она не сдавалась. – Так повелел господин. И он был нашим благодетелем все эти годы, он, даймё, не отнимал, а давал – одежду, рис... Он выучил мальчика, сделал его воином...

– Отомо-сан! За горстку риса ты позволяешь этому юноше шестнадцать лет смотреть чужие сны! А Нагасава, возмнивший себя Богом во, имя собственного тщеславия! Да он до сих пор мстит Ясуми и издевается над ним, даже над мертвым – тем, что лепит из его сына что-то свое! Только не думай, что это сойдет ему с рук! Наказание неотвратимо – так бывает всегда!

– О чем вы говорите? – в тревоге спросил Акира, глядя то на монаха, то на мать.

– Возможно, я не догадался бы, – сказал Сёкэй, – если б не услышал твое имя. Я был в усадьбе твоего отца, настоящего отца, в тот день, когда ты появился на свет.

– Да, – как можно тверже произнес юноша, бросив взгляд на мать, которая словно вросла в циновку. – Я знаю, что Отомо-сан воспитала меня, как родного, после того как вся наша семья погибла во время пожара. А меня спас господин Нагасава. Монах кивнул без малейших признаков удивления.

– Хорошая сказка. И тебе, конечно, известно, что у тебя было шесть братьев и восемь сестер, все старше тебя, хотя многие – тоже еще дети? Да, они сгорели, но уже с перерезанным горлом, как и твоя настоящая мать! И не на пожаре, а в пламени погребального костра!

Акира молчал, ошеломленный, не зная, как истолковать услышанное.

– Я служил у Ясуми-сан и могу рассказать кое-что иное о том, как именно погиб твой отец, а ты был спасен. Подробностей не знаю, многое случилось в мое отсутствие, но важна суть...

Странник говорил, не глядя на юношу и, казалось, мало интересуясь, слушают ли его:

– ... Они были неразлучны, Нагасава и Ясуми, и в детстве, и потом, – произнес он в заключение. – Конечно, Ясуми завидовал богатству и власти Нагасава, управляющий – не даймё. Зато в нем было что-то особенное, в его глазах всегда горел огонь, люди шли за ним, и он имел нескольких жен-красавиц и кучу здоровых детей. Наверное, ты станешь задавать себе вопрос: кто был прав? Не стоит. Лучше отвечу я. Конечно, как преданный слуга, я должен был идти за Ясуми-сан и пошел, не задумываясь. Но сейчас я монах и могу ответить по-другому: это было предательство. Твой отец решил, что сила – это сила. Вне законов человеческого сердца, вне долга. Главное – победить.

Акире хотелось упасть лицом вниз и лежать так, совсем неподвижно, день, год, вечность. Или, напротив, бежать без отдыха, на пределе сил, пока не остановится сердце.

Как сын своего отца, он должен был мстить, независимо от правоты Нагасава. Как истинный самурай – покориться воле господина. Он продолжал любить Нагасава и преклоняться перед ним. Это и повлияло на его решение:

– Я все понял. Я пойду к господину и скажу, что знаю правду, и попрошу позволения совершить сэппуку.⁸

Отото-сан тихо ахнула. А монах проговорил совершенно серьезно и спокойно:

– Ты к этому готов?

– Да. Вы упустили свое время, а я не упущу.

– Ты уверен, что оно пришло? И что ты готов? Тебе плохо в этом молодом и красивом теле? Сейчас, возможно, да. Но «сейчас» – это еще не вся жизнь. Ты в самом деле желаешь умереть? Нет, ты хочешь жить, воевать, совершать подвиги, любить женщин... Сосуд твоей жизни не заполнен и наполовину, во всяком случае, тем, чем нужно. Прожитая тобой жизнь ничего не стоит, непрожитая – тоже. Вечности она не нужна. Часто ли ты слушал свое сердце? Ложись спать. Кто знает, возможно, завтра ты согласишься на мир глазами истины.

В любом случае сейчас было поздно идти в замок. Отото-сан с облегчением разложила постели. Акира молча лег и долго лежал без сна. Завтра последний день его жизни. Он принял решение и ни за что его не изменит.

Проснувшись утром, он бросил взгляд на постель монаха. Сёкэя не было. На мгновение сердце пронзила радость – может, его не было вообще?!

Молодой человек вышел во двор. Мир был обласкан светом, неярким, утренним, нежным. Навстречу шла Отото-сан с миской в руках. В ней лежали вишни, гладкие, насыщенные цветом, будто живые.

Она протянула ему миску. Акира отстранил ее руку.

– Где Сёкэй?

– Ушел. Я проснулась, его уже нет. – И прибавила: – Я сейчас приготовлю рис и чай.

– Я не буду есть.

– Сёкэй ушел, – сказала Отото-сан. – Никто ничего не знает, кроме нас с тобой. Живи как прежде. Молчи.

Акира чуть не задохнулся от возмущения. «Как прежде!» Что она, совсем ничего не понимает?!

– Я должен признаться господину Нагасава. Я не могу ему лгать.

– Он обманывал тебя много лет.

– Ты тоже, – сурово произнес он.

– Я любила тебя, – сказала Отото-сан, – с тех самых пор, как тебя принесли ко мне, совсем маленького, беспомощного, я тебя любила.

– Я знаю.

– Не оставляй меня одну, – нерешительно попросила она.

⁸ Сэппуку – ритуальное самоубийство путем вспарывания живота.

– О тебе позаботятся.

– Мне нужен ты. – И прибавила с безумной надеждой: – Возможно, господин тебе откажет!

– Тогда это будет позор. Ты же самурайская женщина, ты должна знать!

– Я просто женщина, – сказала она и заплакала. Но все же она была самурайкой, потому ничего не прибавила и молча смотрела, как он собирается. Потом так же безмолвно проводила его до ворот.

Акира сказал, что имеет к господину Нагасаве срочное дело, и ему позволили войти в ворота замка. Он быстро шел, задумчивый, до предела погруженный в себя, и сам не заметил, как ноги занесли его совсем не туда, куда надо.

Благороднейшее, внушительное сооружение – замок, многоярусный, будто касающийся облаков. Кажется, что он сделан не из дерева, а из камня! И совсем рядом с ним – совершенно дикий уголок, где все произрастает само по себе. Некоторое время Акира неподвижно стоял и дышал теплым воздухом трав. Тусклым серебром отливали ветки невысокого кустарника, назойливо жужжали какие-то насекомые. Маленький пруд был покрыт липкой зеленой ряской, свет, проникающий в темную воду, казался зловещим и мертвым.

Неужели именно здесь он разговаривал с Кэйко? Не почудилось ли ему это? Кто может ответить на вопрос, где грань, за которой заканчивается реальность и начинается то, что только кажется ею?

Стоило ему подумать так, как на дорожке зашуршали шаги, вновь мелькнуло что-то яркое, и через секунду Акира увидел... Кэйко. Он застыл, ничего не понимая. Теперь ему чудилось, будто все наоборот: он никуда отсюда не уходил, ему привиделся Сёкэй и все остальное и они с Кэйко продолжают разговор. Странно, только что этот уголок, да и весь мир казался пустым, а сейчас в один миг возникло ощущение тихой радости, легкого возбуждения и согласия с самим собой.

Похоже, девушка тоже была рада, во всяком случае, увидев его, она улыбнулась и воскликнула:

– Отомо-сан! Вы?! Вы что, поджидаете меня? Акира мигом опомнился. Что она себе позволяет?!

– Нет, – невольно сделав шаг назад, холодно произнес он, – я пришел к господину Нагасаве по важному делу.

Кэйко смотрела с любопытством.

– Но он в отъезде.

– Откуда вы знаете?

– Знаю!

Ее блестящие глаза в свете падающего на лицо солнца были почти такого же цвета, как темные влажные стебли водяных лилий, а губы – словно те спелые вишни, что протянула ему сегодня Отомо-сан. Кимоно – другое, не то, что он видел на ней в первый раз, лиловое, в синих журавлях, подпоясанное ярко-желтым поясом. Высокий лоб, тени от длинных ресниц на щеках...

– Что вы здесь делаете?! – как и в прошлый раз, потерянно произнес Акира.

И девушка ответила то же самое:

– Прячусь от Тиэко-сан.

– Думаете, она не сможет вас найти?

– Нет, – уверенно проговорила Кэйко, – она меня не найдет.

«Странно, – подумал он, – за этими стенами шумит огромный мир, там суета, а тут тихо и нет ни души. Наверное, девушка знает секрет, с помощью которого можно сюда проникать и запирается от всех. У нее есть ключ, она отпирает им невидимые двери, а потом закрывает снова. Вот почему все здесь кажется таким заброшенным, вот отчего тут никто не бывает!»

– Вам по-прежнему скучно? – спросил Акира.

– Да. Я не была даже на празднике весны.

– Вас не отпустил господин Нагасава?

Она чуть наклонила голову:

– Что?

– Вы попросили, а он не позволил? Кэйко нахмурилась:

– Я ни о чем его не прошу.

Акира растерянно переступил с ноги на ногу. Он решительно не мог понять эту девушку. О чем она думает? Воистину существо из другого мира, с какими-то странными желаниями...

– Вы любите праздники? Вам это нужно?

– Мне нужна жизнь, а здесь ее нет.

– Разве мы живем не для того, чтобы умереть? – невпопад произнес увлеченный своей идеей Акира.

– Умереть? – удивилась Кэйко. – При чем тут смерть? Мы живем для того, чтобы жить.

Я не хочу умирать.

– Цель нашей жизни – смерть, – твердо повторил он. – Я имею в виду – конечная цель.

Неожиданно девушка засмеялась:

– Какой вы странный, Отомо-сан! Так, может, мне прямо сейчас броситься в пруд?

– Вам не нужно, – сказал он, – у вас другое предназначение.

Ему показалось, он понял, что отличало ее от других, делало непохожей: она постоянно размышляла, сомневалась, задавала вопросы, пыталась делать выводы. Слишком живой, мелочный, суетливый ум. Потому все время и жалуется на скуку! Не самурайская женщина. Купчиха! Такой считать бы деньги в лавке да перебирать товар!

– Что вам известно о моем предназначении, Отомо-сан? – спросила Кэйко.

– Вы должны родить ребенка для господина Нагасавы. А после вас отошлют обратно к вашим родителям.

– Ах так! – гневно воскликнула девушка, и ее темные глаза полыхнули огнем.

С этими словами она повернулась и скрылась в зарослях, оставив ошеломленного Акиру посреди вновь возникшей пустоты. Он только слышал, как стучат по дорожке ее высокие гэта.

Нагасава вернулся через неделю – ездил по делам в Киото. Даже за такой короткий срок дома накопилось много дел. Сразу пришлось во что-то вникать, отдавать распоряжения, между тем как единственное, о чем он мечтал все это время, – войти в маленький флигель, где обитала Кэйко, и овладеть ею – жадно и страстно, без всяких церемоний и подготовительных речей.

Он давно прослышал о богатом купце Хаяси – у того было девять дочерей, все здоровые и красивые. В этой семье не умер ни один ребенок, на свет ни разу не появлялись дети с врожденными уродствами. Приехав в Киото, Нагасава явился в дом Хаяси поговорить о своем предложении. Как и следовало ожидать, купец охотно согласился отдать одну из дочерей в наложницы самому даймё. Были назначены смотрины. Нагасава приготовил для девушек подарки. Сестры вошли с поклонами и улыбками, тайком переглядывались и перешептывались, их глаза сверкали любопытством и страхом. И только одна стояла и смотрела на всю эту суету без тени улыбки – не то чтобы оценивающе, а с каким-то особым пониманием. Это и была Кэйко, и он сразу почувствовал, что выберет именно ее. Они с Хаяси заключили соглашение, и Нагасава привез девушку в свой замок. Он брал Кэйко с одной целью – чтобы она осчастливила его наследником, но все получилось совсем не так, как он ожидал. Такова жизнь: то, что сегодня кажется единственно верным, завтра подвергается сомнениям. Прошло немного времени, и Нагасава понял, что покорен. То были последние вишни, какие он был способен вкушать в своей осени!

Нагасава обещал жене со временем отослать наложницу обратно. А теперь он охотнее отослал бы куда-нибудь саму Тиэко-сан! Но это было невозможно: она много лет стерегла его

дом, распоряжалась прислугой и заслужила несравненно больше, чем быть безнадежно отвергнутой и безвинно униженной на старости лет.

Если б Тиэко исчезла, он женился бы на Кэйко, наплодил бы детей и устроил долгожданное счастье. Но жена не собиралась ни уезжать, ни умирать, и Нагасава знал: если он не будет осторожен, не поздоровится именно молоденькой наложнице.

ГЛАВА 3

*Когда она меня спросила:
«Не жемчуг ли сверкает на траве?» —
Тогда в ответ сказать бы сразу мне,
Что это лишь роса, —
И с той росой исчезнуть...
Ариварано Иарихира⁹*

Акира много думал о том, почему бросил в лицо девушки такие слова – заявил, что ее предназначение – родить ребенка для господина Нагасавы и что после ее отошлют обратно к отцу. Собственно, он не имел никакого права это говорить и ничуть не удивился бы, если бы Кэйко пожаловалась на него своему повелителю.

Так или иначе, после того разговора его стремление умереть угасло, как угасло отчаяние. Он вернулся домой к безумно обрадованной матери и продолжал жить так, будто не беседовал ни с каким Сёкэем и не узнал страшной тайны. Однажды, как бы невзначай, Акира спросил приемную мать о своих настоящих родителях. Но женщина не могла сказать ничего, кроме того, что семейство Ясуми было много знатней и богаче Отомо и они никогда не общались. Тот заговор обернулся большой трагедией для многочисленного клана Ясуми: его члены были либо убиты самураями Нагасавы, либо бежали, либо совершили сэппуку...

Акира часто думал о Кэйко. Что за девушка! Складки одежды – как у статуи богини солнца Аматаэрасу в синтоистском храме, розовые, как лепестки цветов, ладони, дугообразные брови, мягкие, плавные линии тела... Ему хотелось увидеть ее снова, поговорить с нею, узнать, чем она живет. Незаметно для себя Акира перестал думать о девушке как о «купчихе» – презрительно и со снисхождением. Какая разница, чья дочь Кэйко, самурая или купца; главное, она была красива и необычна, совсем непохожа на тех женщин, каких он прежде видел и знал.

Однажды, когда он уже лег спать и, по обыкновению, предавался мечтам, Отомо-сан вбежала в комнату с криком:

– Вставай, Акира! Пожар! Прибежал Окада-сан, он велел тебе идти к дому Кавакиты.

Пожары случались довольно часто и были настоящим бедствием: нередко огонь, перекидываясь с одного деревянного строения на другое, уничтожал целые кварталы. Потому Акира вскочил, не теряя времени, облачился в бывшее в арсенале каждого самурая асбестовое хаори¹⁰, быстро вывел за ворота коня и поскакал по улочкам призамкового городка.

Ветер усиливался – это было плохо, так как огонь мог распространиться быстрее, чем способны работать человеческие руки, и накрыть долину огненной волной. С такого расстояния отсветы пожара выглядели странно – казалось, звезды постепенно растекаются в полосы; свет лился повсюду и ниоткуда, небо искрилось, словно переливаясь медными облаками. Это было ослепительно красиво, но Акира чувствовал удушливый запах гари, ветер нес ему в лицо волны дыма, и юноша ощущал, как в душе нарастает тревога.

В зыбком мареве молниеносно передвигались люди. Они то вырывались из мрака, то исчезали в нем, временами слышались крики, но не беспорядочные, паники не было.

Разумеется, господин Нагасава был тут, в гуще событий. Акира ничуть не удивился, когда перед ним внезапно мелькнуло его сосредоточенное лицо со сжатыми губами и пылающим взглядом. Молодого человека всегда поражало непоколебимое хладнокровие, невозмутимость господина, его искусство стратегии, великолепно сочетавшееся с интуицией – даром высших

⁹ Перевод В. Н. Марковой.

¹⁰ Хаори – верхнее укороченное кимоно.

сил. В глазах неискушенного Акиры Нагасава был воин и мыслитель – и это божественное сочетание делало его поистине неуязвимым как для внешних, так и для внутренних бед.

Выхватив взглядом фигуру верхового, Нагасава крикнул:

– Скачи в замок! Скажи Тиэко-сан, что пока угрозы нет, но пусть Ито держит людей наготове... – Он продолжал говорить, а потом, внезапно узнав Акиру, прибавил несколько иным тоном, как-то по домашнему, доверительно, спокойно: – Оставайся там: в случае чего поможешь моим людям...

И тут же резко повернулся, в мгновение ока позабыв о молодом человеке, и исчез в дыму.

Пока Акира ехал, взошла луна, она посеребрила крыши домов, и тонкие струи дыма, которые он еще мог видеть, тоже казались серебряными. Постепенно звуки отдалялись, стихали; возвышавшийся над округой замок представлялся огромной, неприступной громадой, глыбой мрака.

Однако и там кипела работа: Тиэко-сан и служанки грели воду, варили еду для самураев Нагасава, слуги выводили во двор лошадей. Акира передал управляющему Ито слова господина и остановился в растерянности, не зная, что делать.

Он решил проверить, не остался ли кто в дальних помещениях замка, и, не замеченный никем, поспешил туда. словно чья-то рука увлекла его в эту ароматную, чуть влажную тьму, подальше от суеты и человеческих голосов.

А потом он услышал... да, тихую песню, усыпляюще медленную, однообразную, точно звон горного ручья. И пошел на звук, бессознательно следя за плывущими по стенам неясными тенями, молчаливо танцующими загадочный призрачный танец.

Он вошел в комнату... О, какой живописной показалась ему эта картина – словно вспышка неземного света в беззвездной ночи! Одурачивающий запах благовоний, клубы теплого пара, наполненная горячей водой офуро¹¹, а в ней... с самоуверенностью богини расположившаяся Кэйко! Акира сделал шаг вперед и, поскользнувшись, чуть не упал – девушка беспечно расплескала воду.

Заметила ли его Кэйко? Он не знал и жадно впитывал взглядом то, что предстало его глазам. В ее красоте было что-то до боли волнующее, земное и в то же время неприступное. Она казалась недосыгаемой и вместе с тем словно предлагала себя. Ее глаза ярко чернели на блестящем от влаги лице, полушария груди выступали из воды – и соски напоминали бутоны роз.

Акира словно прирос к полу, не в силах отогнать надвигающиеся на него грозные мечты. В его груди разгорался пожар куда более сильный и страшный, чем тот, что сейчас бушевал в городе.

Вдруг Кэйко быстрым движением перебросила на грудь длинные пряди мокрых черных волос и резко оборвала песню. Акира понял, что она его увидела.

– Что вы здесь делаете? – Кажется, он далеко не в первый раз задавал ей этот нелепый вопрос.

Мигом оправившись от неожиданности, Кэйко ответила с едва заметной снисходительной улыбкой:

– Принимаю горячую ванну.

– Почему сейчас?! – в отчаянии прошептал Акира. – Все женщины заняты работой...

– Там достаточно людей. И потом, Тиэко-сан велела согреть столько воды, что...

– Эта вода для самураев, которые вернутся с пожара, чтобы они могли смыть с себя пот и копоть.

– Да? Быть может, я украла вашу воду, Отомо-сан? Наверное, вы тоже хотите помыться?

¹¹ Офуру – японская ванна.

Была ли в тоне Кэйко насмешка, вызов? Дразнила ли она его и задумывалась ли над тем, чем все это может закончиться? А может, она именно этого и хотела?

Акира замер. Он больше не мог управлять собой, был не в силах бежать от своих чувств и желаний!

– Хочу!

Он сорвал с себя одежду, расстался с двумя мечами, которые постоянно носил на поясе. Акира не слышал предостерегающего голоса совести и страха. На какой-то миг он оглох, ослеп, перестал размышлять и что-либо чувствовать, кроме неутоленного, жгучего юношеского желания. Он влез в офуро, и... все исчезло, перестало существовать. Все... кроме гладкой, горячей, упругой кожи Кэйко.

Акира обхватил девушку руками и видел совсем близко ее глаза, неподвижно глядящие на него, пунцовые губы и пряди мокрых черных волос на лбу, пульсирующую жилку на шее. Казалось, изгибы их тел сложились, как части мозаики, – так естественно и верно, как только и могло быть в этот миг, в этот день, в этой жизни. Они задыхались от горячего влажного пара и нестерпимого наслаждения. Пару раз, не удержавшись, окунались в воду по самую шею... Потом, обессиленные, выбрались из ванны и упали на мокрую циновку, не размыкая объятий.

Через какое-то время Кэйко стала прохладно от прикосновения собственных волос – на воздухе разгоряченное тело быстро остывало, – и она прошептала, подняв голову:

– Что теперь будет?

И Акира твердо произнес, глядя прямо перед собой:

– Как что? Смерть.

– Почему ты так любишь говорить о смерти?! – с досадой промолвила она. – Повторяю, я не хочу умирать! – И прибавила, осторожно прикоснувшись к его руке: – Никто не должен знать.

– Я совершил преступление! Ты наложница самого...

– Неважно, – перебила Кэйко, – не думай об этом!

– Мой долг пойти к господину и рассказать, признаться – пусть он решает мою судьбу! – в отчаянии произнес молодой человек.

– Молчи. – Она приложила пальцы к его губам. – Если не хочешь меня погубить и желаешь, Чтобы все это повторилось снова!

Акира смотрел на нее с изумлением, которое в этот миг почти граничило с безумием. Как такое могло случиться?! Что это – сон, сотканный из его тайных грез? Кэйко притягивала его какой-то таинственной силой, в ее присутствии он забывал обо всем, мог думать только о том неведомом, что скрывалось в ней и влекло его помимо воли.

Между тем она поднялась, не смущаясь, и встала перед ним во весь рост – янтарная кожа, розовые, бархатисто-нежные бутоны сосков, почти прозрачная ясность и в то же время некая волнующая тайна в лице, чуть затененные изгибы стройного тела, рождающего соки жизни и страсти, глаза... и в них что-то свое, непонятное, темное...

Акиру била дрожь, он задышался, в одночасье поняв: его цель – эта красота, ради нее он готов отдать что угодно. Одновременно в нем проснулась злость: он вспомнил, чья женщина Кэйко, и думал о том, почему и на каком основании вынужден, как шелудивый пес, воровать чужие куски.

Чутко уловив перемену в его настроении, девушка поманила его за собой. Он встрепнулся и, не задумываясь, пошел за нею.

Она привела его в другую комнату флигеля, и Акира в изумлении оглядывал помещение, все пространство которого было полно чудесного очарования: золотистая ширма, прелестные лакированные коробочки, дорогие соломенные циновки-бинго. Вдруг юноша заметил шляпу, ту самую, с алыми завязками, и его сердце обожгла боль.

– С кем ты хочешь быть? – спросил он.

– С тобой, – не медля ни секунды, ответила Кэйко. Акира сжал ее плечи, пригибая вниз, сближаясь с ее телом, окунаясь в эти единственные в своем роде неповторимые мгновения бесконечного путешествия по кругам жизни и смерти.

Тиэко-сан бесшумно раздвинула двери и вошла в комнату. Она была одна и могла попытаться расслабиться и немного подумать.

Было темно, все краски казались приглушенными. Она глубоко вдохнула застоявшийся воздух, словно пытаясь уловить аромат минувшего, воскресить его в памяти. Что есть ее нынешняя жизнь, что есть ее сердце? Комок несбывшихся надежд и желаний. Думала ли она, что придет время, когда мечты угаснут, словно последний огонь, и даже неприятности и ожидания перестанут отравлять душу? Когда она будет знать, что больше не на что надеяться, и станет равнодушно следить, как разрушаются остатки жизни, как все превращается в пыль?

Внезапно Тиэко опустилась на колени и принялась молиться. О боги, она только что созерцала это: два красивых молодых тела, причудливо сплетенные на циновках в страстном объятии! То были ненавистная ей Кэйко и юный Акира – сын того самого Ясуми. Понятно, никто не способен устоять перед красотой, особенно если это красота плоти!

Тиэко крепко зажмурила глаза, потом открыла их и несколько раз моргнула, глядя в пустоту.

Красота... Вот уже много лет она не верила в ее обманчивые чары. Красота влечет, заманивает в сети, а потом оборачивается страшной, губительной стороной.

Где теперь Ясуми? Должно быть, уже возродился в мире тварей, самом мрачном из миров, в каком может возродиться душа человека! Тиэко уже не помнила его лица, все померкло... как и воспоминания о причиненной им боли. Страшно подумать, сколько прошло времени! А ведь когда-то и она была юной девушкой с самшитовыми гребнями в длинных шелковых волосах!

Тиэко происходила из знатной самурайской семьи, знала грамоту и, конечно, читала «Гэндзи-моногогата-ри» и «Исэ-моногогата-ри»¹² и, признаться, мало задумывалась о том, какое отношение имеют эти истории о любви к реальной жизни. Как всякой самурайской девушке, ей неизменно внушали мысль о том, что жизнь непрочна и соткана из множества неожиданностей. Неизменно одно – она должна безоговорочно подчиниться мужчине, которого избрала для нее судьба.

Как было принято в те времена, до свадьбы Тиэко почти не видела своего жениха. Да и после Нагасава подолгу жил в Киото, оставляя ее в замке, и Тиэко чувствовала, что он проводит время не один. Она не знала, как должна к этому относиться, и потому молчала.

Спокойствие стало ее основной и единственной защитой, ширмой, за которой она пряталась от тех непонятных, чуждых в своей странности вещей, какие порой являла ей жизнь.

А потом Тиэко влюбилась. Молодой красивый управляющий, друг князя Нагасава, господин Ясуми был приветлив, разговорчив, улыбчив, в отличие от мужа, постоянно находился рядом и мечтал ее соблазнить. Тиэко воспитывали в строгих традициях, и она сдалась далеко не сразу, а сдавшись, поняла, почувствовала, что страсть к Ясуми стала ее жизнью. Потом она забеременела, и вскоре после этого Ясуми резко охладил к ней, перестал искать встреч и через пару месяцев женился на молодой девушке, дочери одного из высокопоставленных приближенных Нагасава, да еще взял нескольких жен и наложниц.

Нагасава долгое время находился в Киото, потому Тиэко побоялась выдать ожидаемого ребенка за его сына или дочь. Вместо этого она тайком обратилась к одной знающей женщине, и та помогла ей избавиться от плода преступной связи. Тиэко поклялась отомстить Ясуми, и ничто не могло отвратить ее от задуманного: если б не он, она никогда не изменила бы мужу и не убила свое дитя. Она следила за каждым шагом бывшего любовника, и ей удалось совер-

¹² «Гэндзи-моногогата-ри» и «Исэ-моногогата-ри» – величайшие памятники японской классики X—XI вв.

шить немыслимое: раскрыть заговор Ясуми против Нагасава. Сам Ясуми, все его слуги, жены, наложницы, дети были истреблены, и род предан забвению. Вслед за ними Тиэко без малейшего содрогания отправила на тот свет трех наложниц Нагасава, которых тот необдуманно взял в свой дом. Она старела, Нагасава – тоже, но гораздо медленнее, ибо его душа не была поражена недугом тоски и злобы. Детей у них не появилось... А потом Нагасава привез Кэйко, прекрасную, юную, свежую, словно ветка цветущей сакуры. Он сказал, что хочет наследника, но Тиэко не верила. Он возжелал молодого, упругого, сочного тела, только и всего! Следовало не просто уничтожить девушку, а преподнести Нагасаве урок на всю оставшуюся жизнь. И боги ее услышали! Кэйко и Акира, тот самый Акира, младший сын Ясуми, – в ванне, изнывающие от страсти!

Помнится, кто-то спросил Нагасава, почему в свое время он пощадил ребенка, и тот коротко и резко ответил: «Потому что убить его было бы уже не справедливостью, а злодейством». И продолжал привечать мальчишку в течение шестнадцати лет, относился к нему едва ли не как к собственному сыну, тогда как Тиэко всякий раз содрогалась от боли. Что это было – помесь неосознанной любви и тайного издевательства? Ведь он отдал Акиру на воспитание в бедную и незнатную семью и периодически кидал этим жалким, безвольным Отомо унизительные подачки.

Скоро Нагасава узнает, какова истинная цена подобных благодеяний. Узнает, но не сейчас, немного позднее. Нужно дать этим двоим время – тогда наказание будет изощреннее.

Тиэко скривила бескровные губы. Выпростала из широкого серого, как сумерки, рукава кимоно потемневшую костлявую руку и улыбнулась. Она схватит Акиру и Кэйко этой рукой и увлечет за собой, за своим последним и самым главным желанием.

Через день после случившегося Акира отправился в горы, сказав матери, что идет на охоту. На самом деле ему просто хотелось побродить в одиночестве и подумать.

Обуреваемый неотступными мыслями, он поднялся довольно высоко, туда, откуда был виден темно-зеленый ковер простиравшихся до самого края небес высоченных кедров и, кажется, даже море – густо-синее, все в барашках белой пены. Было ли это в самом деле море или просто синела линия горизонта, Акира не мог понять и потому вскоре перестал напрягать зрение.

Встретив горный ручей, он остановился и присел на камень, чтобы отдохнуть и попить воды. В нем проснулись мучительные мысли о настоящем отце, которого он никогда не знал и который, как он сам, предал господина, презрел долг. А это не менее безрассудно и преступно, чем решиться пойти против воли богов! Неужели правда, что в мире все повторяется? Неужели господин Нагасава напрасно подарил ему жизнь?

Мог ли он отказаться от Кэйко? Акира воссоздавал в памяти бездонную глубину взгляда девушки, матовое сияние капель на ее золотистой коже и все произошедшее между ними и понимал, что нет, он не сможет. Ему мешали воспоминания о восторженном ослеплении, испытанном тогда, при близости с Кэйко, и опасное сознание того, что он не раскаивается и хочет все повторить снова.

Акира невольно сжал кулаки. Если б Кэйко сейчас оказалась тут, он взял бы ее за руку, и они пошли бы куда глаза глядят, подальше от замка Нагасава, прочь из Сэтцу! Она – это главное в его жизни!..

Он вернулся домой к вечеру без добычи и почти сразу, не говоря и слова, завалился спать. Отомо-сан неслышно подошла к нему с желанием прикоснуться и промолвить утешительное слово.

Она увидела полуосвещенное лицо, взгляд темных глаз, в которых горели обвинение, отчаяние, решимость! И, смущенная и непонимающая, отступила во тьму. Ее сын стал другим. Что в нем изменилось? Она не знала. Но чувствовала одно: жизнь вошла в новый круг, отныне все станет иным, сместится, поменяет форму и цвет. Сохранится ли прежнее счастье,

такое незаметное, невесомое, но оттого – по-особому прекрасное, как позолоченная солнцем паутинка на ветру, как тонкая и в то же время глубокая тень в пышущий жаром полдень?

Прошла неделя. Все это время Кэйко ходила как во сне; на смену краткому мигу блаженства пришло тяжелое неотвязное чувство – на нее давил груз непринятого решения. Что делать: жить так, как она жила прежде, считать то, что произошло, случайностью, мимолетным эпизодом и постараться о нем забыть или отдаться на волю страстей?

Девушка с тоской вспоминала о том, с чего все началось: она жила в Киото, в большой, дружной и веселой семье. Ее отец, богатый купец Хаяси, не отличался строгостью, имел легкий нрав, был снисходителен к человеческим слабостям – Кэйко выросла в атмосфере радости, понимания и любви. По вечерам, когда семья собиралась за ужином, все рассаживались на вышитых шелком подушках и круглых ковриках, ели, болтали, шутили, смеялись. Хаяси давал дочерям довольно много свободы: они ходили на рынок за покупками, гуляли по городу, бывали в лавке отца, где он позволял им рассматривать и выбирать ткани.

А потом отец однажды пришел в покои дочерей и, с довольной улыбкой потирая руки, сообщил, что стоворился с князем Нагасавой о том, что тот возьмет в наложницы одну из них. Девушки пришли в страшное возбуждение, и с тех пор в доме только и было разговоров что об этом князе – каков он, молод ли, красив ли, скоро ли приедет, а главное – кого выберет!

Кэйко всегда выделялась среди сестер – сообразительностью, красотой, острым язычком. Она знала: стоит проявить немного ловкости и ума, и выбор князя падет на нее. Сестер много, и все они, по недомыслию, станут вести себя одинаково, ей же следует быть другой. Князь Нагасава был призом, который хотела получить каждая, и Кэйко без колебаний вступила в состязание. Готовясь к приезду важного гостя, она тщательно выбрала наряд и сделала красивую прическу. Ею владело радостное возбуждение – она ждала встречи с чем-то невиданным и чудесным.

Девушку постигло разочарование: Нагасава ей не понравился. Он был немолод и, хотя имел величественный вид, отталкивал своей угрюмостью. Но Кэйко уже не могла остановиться – ей хотелось выглядеть самой лучшей, хотелось победить: отбыть на глазах иззавидовавших сестер в другую, недостижимо прекрасную жизнь с роскошным замком, драгоценными шелками и изысканными кушаньями. Разумеется, Нагасава выбрал именно ее, и Кэйко гордилась своей победой.

Восторженное ослепление новизною угаšlo, как только Нагасава пришел к ней в первую ночь. Он ничего не сказал, просто снял с нее одежду и поспешно, даже грубо овладел ею. Кэйко почувствовала себя вещью. Она не привыкла к такому обращению, в родном доме ее любили, баловали и считались с ее желаниями. Роскошные подарки были бесполезными – ее никуда не выпускали, а наряжаться перед Тиэко-сан и служанками не имело смысла, разве только затем, чтоб позлить их. Кэйко возмущало, что старуха помыкает ею и обращается как с прислугой, – она нагрубилась ей раз, другой, получила пощечину, а потом Тиэко-сан поранила ей руку шпилькой. Так и текла ее жизнь: днем она скрыто воевала с ненавистной старухой, а ночью с содроганием ждала прихода своего нынешнего повелителя. Когда он молча овладевал ею, Кэйко закрывала глаза и мечтала о том, чтобы он поскорее ушел, а после засыпала, счастливая хотя бы тем, что на сегодня эта попытка закончилась.

Конечно, при желании Кэйко могла довести дело до того, что Нагасава отказался бы от нее, но ей мешала гордость. Возможно ли это – появиться перед родителями и сестрами опозоренной и отвергнутой?! И потом, несмотря на все разочарования, она благоговела перед господином, как и свойственно наложнице и женщине куда более низкого происхождения. Благоговела – до тех пор пока Акира в сердцах не сообщил ей, для чего она, собственно, здесь находится, что ей предстоит и чем все закончится. Это было так унижительно, расчетливо и гадко...

Акира... Кэйко, как это свойственно женщинам, поняла, что нравится ему, еще до того, как это осознал он сам. Конечно, глубоко в душе она мечтала не о таком возлюбленном – пусть он красив, но слишком юн и неопытен в жизни и, хотя и самурай, низкого ранга и очень беден. Ей нравилось болтать с Акирой и подшучивать над ним, сохраняя серьезность, и она искренне радовалась этим встречам, вносящим приятное разнообразие в ее унылую жизнь, нохша не ожидала, что между ними произойдет нечто большее. Ведь их могли застать вместе и предать смерти! И все-таки Кэйко не жалела о случившемся. Робкая нежность и безумная страстность Акиры зажгли в сердце девушки ответное чувство. Она вспоминала, как встала перед ним голая, и ей это нравилось. Они играли в самую опасную и преступную игру на свете, и именно опасность придавала этой игре особую сладость. Пусть это повторилось бы еще и еще: всеобщая суматоха и пожар, а они – в горячей ванне, извивающиеся от страсти, а потом – в ее комнате, на циновках... И это головокружение, будто куда-то проваливаешься, и запах воды и свежей соломы... И пусть даже не будет замка и нарядов, всей этой чужой, пугающей роскоши. Только свобода, циновка, Акира. И любовь.

ГЛАВА 4

*Пусть в ином перерожденье
Буду я иной.
А сейчас любовь земная
Властна надо мной.
Что мне проку от учений.
Данных на века,
Если жизнь моя – росинка
В чашечке цветка.*

Из народной поэзии¹³

Акира не скоро вновь встретил Кэйко. Увидел он ее, да и то мельком, в тот день, когда очередной раз прибыл в замок по приказу Нагасавы: она стояла в глубине веранды, хотя, как казалось Акире, ей не полагалось находиться там в это время. Он решил, что Кэйко вышла специально, чтобы попасться ему на глаза. Он не сумел рассмотреть выражение ее густо напудренного лица, зато сразу заметил великолепную высокую прическу и изысканный наряд: верхнее алое кимоно, из-под которого выглядывало другое – ослепительно-белое.

Пройдя через веранду, Акира очутился в той самой прелестной комнате, где Нагасава уже однажды его принимал. Он почтительно склонился перед господином, весь горя от противоречивых чувств.

Нагасава был одет в коричневое с красным отливом кимоно, в свободные черные штаны и синюю накидку-безрукавку камисимо с жесткими крылышками-наплечниками, зрительно делавшими плечи шире, что придавало облику мужественности.

Он приветливо кивнул Акире и, как человек серьезный и занятой, сразу перешел к делу: – Хочу поговорить о твоей женитьбе. Есть подходящая невеста, дочь Коидзуми-сан.

Акира вздрогнул. Он пытался сообразить, о ком идет речь. Семейство Коидзуми было хотя и многочисленным, но далеко не бедным. Скорее всего, Нагасава имел в виду младшую дочь одной из наложниц главы этого клана.

– Я повышаю тебя в должности и назначаю новое жалованье.

Недоумение и настороженность всколыхнулись в сердце юноши. Подобные вещи не случались просто так. Он не имел никаких воинских заслуг, ничем не отличился (разве что вступил в связь с наложницей господина!). Подарок к ожидаемой свадьбе?

И вдруг его осенило: очевидно, Нагасаве пришлось помучиться над выбором невесты. Не все можно решить простым приказом. Много ли найдется людей, согласных отдать свою дочь человеку из проклятого, опозоренного рода? Коидзуми-сан был ровесником Нагасавы, и Акира не сомневался в том, что ему известна правда.

Нагасаве пришлось повысить Акиру в должности, чтобы хоть немного поднять его в глазах своего вассала! Молодому человеку стало стыдно и горько до боли, и он отрывисто произнес:

– Я должен подумать!

Взгляд Нагасавы уперся в его лицо. Акира понял, что сказал нечто непозволительное.

– Подумать о чем?

– Я не уверен в том, что достоин такой чести.

– Только я могу решать, чего ты достоин.

– Благодарю вас, господин, – поспешно пробормотал молодой человек, пытаясь сгладить неловкость.

¹³ Перевод А. Долиной.

– Я даю тебе первое важное поручение, – сказал Нагасава, – поедешь в отряде охраны, которая будет сопровождать мою женщину в Киото.

Акира замер. «Женщину!» Кого: Кэйко? Тиэко-сан? Его сердце забилося, как пойманная птица. Наверное, Кэйко! Тиэко-сан слишком стара, она много лет никуда не выезжала, и ей нечего делать в столице. Значит, он сможет увидеться с девушкой и перекинуться парой слов. А быть может, даже... О нет! Хотя... Кто сказал, что в жизни нет ничего невозможного? Он тысячу раз был прав, этот мудрец.

Акира ехал в составе небольшого вооруженного отряда по той же дороге, что и весной, когда сопровождал господина в Киото. Сейчас ему казалось, будто с тех пор прошла целая вечность.

Его окружало полыхавшее пламенем небо, черные гребни гор, хищно вцепившиеся в расщелины скал низкорослые темные сосны. Некоторое время с возвышенности еще были видны соломенно-желтые рисовые поля, мрачные крыши выцветших от непогоды и времени деревянных строений и окруженный высоким валом и глубоким рвом замок Нагасавы, а потом и они исчезли, растворились в пространстве...

Акира облегченно вздохнул. Его поза была спокойной, неподвижной – прямая посадка с гордо поднятой головой.

Все эти дни он думал о своем будущем, задавал себе вопросы, но... Стоило ему посмотреть назад, туда, где в окружении самураев ехала Кэйко, а потом заглянуть в себя, как он получал ответ, идущий прямо от сердца. Мириады невидимых солнечных нитей тянулись от него к ней, невозмутимой, без тени тревоги и сомнений на лице, полной особой женской недосказанности, тайны! Стыдно и нелепо воину, мужчине, быть покоренным женщиной, чужой наложницей, даже не самурайкой, «купчихой», но это было именно так!

В конце концов Акира не выдержал и, улучшив момент, подъехал к Кэйко.

Она удивительно хорошо держалась в седле и совсем не походила на ту кукольно-роскошную красотку, что стояла на веранде дома Нагасавы несколько дней назад.

– Все в порядке? – негромко произнес он.

Девушка блеснула глазами:

– Да.

– Дальше крутой спуск, а потом будет подвесной мост.

– Знаю. Я справлюсь.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал Акира, глядя прямо перед собой.

Кэйко кивнула.

– Почему господин отпустил вас в это путешествие? – вдруг спросил он.

– Я его попросила. Сказала, что хочу повидаться с родными.

– Он не рассердился?

– Нет. Напротив.

– Вот как?

– Иногда мужчина радуется, если женщина его о чем-то просит, Отомо-сан.

Хотя в ее тоне слышались знакомые дразнящие нотки и глаза насмешливо сверкали из-под полуопущенных ресниц, Акире показалось, что Кэйко нервничает. Опасливо оглянувшись, она быстро произнесла:

– Сейчас мы не можем говорить. Ждите. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Акира знал, что она права. Рядом были другие самураи, они могли что-то заметить.

Неудивительно, что он получил нагоняй от одного из старших по рангу: юноше было сказано, что он не имеет права разговаривать с Хаяси-сан, ибо она – собственность господина Нагасавы, а собственность господина Нагасавы неприкасаема и священна. Акира послушно произнес положенные извинения.

Но в душе его не было и тени покорности! Акире казалось, будто он прячется в некоей потайной комнате и наблюдает за господином изнутри, за его жизнью, слабостями, привычками. Нагасава больше не вызывал в нем благоговения, он перестал быть божеством и превратился в обыкновенного человека. Так уж устроены люди – они неспособны уважать того, кого им случилось обмануть или, что еще хуже, предать. Акира думал, что в отличие от Нагасава он находит в Кэйко нечто одухотворенное и прекрасное, для него она не просто игрушка, украшение комнат, самка, пригодная для того, чтобы рожать детей, – и это возвышало его в собственных глазах.

Когда подъехали к подвесному мосту, Кэйко заботливо помогли спешиться. Акира заметил, что самураи изо всех сил старались не касаться ее руками: ведь она была «любимой вещью господина», трогать которую – непозволительная дерзость!

Он смотрел на девушку, и у него перехватывало дыхание от пронзительности ее красоты, исполненной темной и мягкой женской силы. Эти черные волосы, светлая кожа, алые губы, сияющие глаза и приподнимаемые ветром яркие одежды!

Теперь он совершенно точно знал, что делать дальше.

Акира с восхищением рассматривал выложенные камнем неширокие каналы, великолепные сады с исполинскими кедрами и дубами, обрамляющие храмы и княжеские особняки. На улицах Киото было полно людей – крестьян, ремесленников, купцов, монахов. Тянулись бесконечные свиты высокопоставленных лиц, скрывавшихся в глубине отделанных плетеной соломой или лаковым деревом крытых носилок.

Дом купца Хаяси, крашенный белой краской, в два этажа, был большим и богатым. Нижний этаж занимала лавка, в верхнем располагалось жилье хозяев. Цепь таких домов тянулась в глубь города, уходя невообразимо далеко.

Их встретили почтительно и в то же время шумно: Акира к такому не привык. В замке Нагасава царил порядок, а здесь – Акира сразу это почувствовал – его не было и в помине, каждый жил как хотел.

Еды подали много, в том числе такие невиданные Акирой лакомства, как сироп из клейкого риса и сока амандуры и пчелиный мед. Сам Хаяси казался очень радушным, он был приятно поражен приездом дочери, нарядной, величественной, прекрасной. Кэйко уединилась с сестрами, которым не терпелось послушать ее рассказ о новой жизни и посмотреть подарки.

Акира успел заметить, как изменилось выражение лица девушки – здесь, дома, оно было совсем другим, веселым и открытым. Но в то же время она выглядела полной достоинства, гордой своим новым положением. И конечно, как и предполагал Акира, была намного красивее своих сестер.

Они разместились кто в саду, кто в доме, кто в небольшой пристройке. Каждую ночь у дверей комнаты Кэйко (которой, словно принцессе, выделили отдельные покои) стояла охрана из двух самураев. На третью ночь выпало дежурить Акире и Кикуту, тому самому молодому воину, с которым он посетил «веселый квартал» в свой первый приезд в Киото.

Кикуту сразу предложил разделить: Акира дежурит полночи, а он спит – и наоборот. Акира засомневался, стоит ли рисковать: начальник мог прийти и проверить, как они несут службу. Услышав об этом, Кикуту со смехом заявил:

– Он выпил за ужином столько sake, что и не разберет, сколько нас: двое, трое или пятеро.

После этого он ушел, пообещав сменить Акиру через три часа. Оставшись один, молодой человек задумался.

Кикуту нравился ему отсутствием обязательного (и зачастую бездумного) почтения к начальству и, как ни странно, отталкивал тем же самым. Дело в том, что его непочтительность и дерзость были расчетливы и – что еще хуже – циничны.

Из-за перегородок не доносилось ни звука; можно было подумать, что внутри никого нет. Подождав несколько минут, молодой человек понял, что больше не в силах выносить двусмыс-

ленную ситуацию. Он чувствовал, что никогда не достигнет мира внутри себя, пока на свете существует Кэйко. И решил подчиниться тому, о чем мечтал все эти дни, к чему стремились его тело и душа.

Акира осторожно, почти не дыша, коснулся руками сёдзи.

Комната была окутана мраком, лишь в углу мерцал небольшой светильник, но юноша заметил особый глубокий блеск глаз Кэйко, и ее волосы тоже блестели, как блестит трава в росе.

Молчание не было гнетущим, скорее выжидающим – полное смысла молчание предвкушения. Акире почудилось, что Кэйко тихонько дрожит; неяркий свет омывал ее фигуру, тонкие крылья носа трепетали, и все черты лица были правильны, совершенны, как у храмовой статуэтки.

Она глубоко вздохнула и, не теряя времени, принялась раздеваться. Молодой человек не стал медлить и тоже сбросил одежду.

Мгновение – и их тела соприкоснулись, и Акире почудилось, что в следующую секунду он сторит дотла. Его увлекало это опасное путешествие в мир прекрасной, не подвергавшейся сомнению и отрицанию истины. И что с того, что в любую минуту мог вернуться Кикиути, что дом был полон самураев Нагасавы и родственников Кэйко!

Они не могли совладать с захлестнувшим их желанием. Кэйко была ослепительна, словно падающая звезда, и не противилась сладостному натиску страсти. А Акира... О нет, он касался не собственности Нагасавы, он касался своего, он больше не хотел мучиться от наваждения, желал твердо стоять на ногах и объявить всему миру о том, что именно ему принадлежит.

Хотя они превосходно обходились без слов, поговорить было необходимо. Акира начал первым. Времени оставалось мало, и он предложил без предисловий:

– Давай уедем вместе, сбежим!

– А как же господин Нагасава? – вдруг спросила она.

– Он мне больше не господин.

Воцарилось странное молчание. Потом Кэйко сказала:

– Это из-за меня? Из-за того, что случилось?

– И да, и нет.

– Куда мы поедем? – произнесла девушка после очередной паузы.

– Подальше от этих мест.

Она беспокойно завозилась и тихонько вздохнула:

– Как там, в других краях? Я никогда нигде не бывала.

– Я тоже. Но это неважно. Воины нужны везде. Я смогу наняться на службу. Жаль только

Отомо-сан.

– Кто это? – спросила Кэйко, и Акира ответил:

– Моя мать.

– Как же мы сбежим? Кругом охрана.

– Можно попытаться на обратном пути. Или уже там, в Сэтцу.

Она прижалась к нему:

– Я нужна тебе, правда?

– Да, – твердо произнес он, – я хочу жениться на тебе.

– И ты возьмешь меня после господина Нагаса-вы? – тихо спросила она.

– Я беру тебя не после Нагасавы и не у него. Ты уже моя. Есть и была всегда.

И тут Кэйко задала неожиданный вопрос:

– Так ты больше не хочешь умирать?

Акира молчал. Едва ли смерть могла дать ему то, что давала жизнь, пусть даже он покупал счастье тем, что называется обманом и бесчестьем!

– Будет лучше, если мы спокойно вернемся обратно, – осторожно промолвила Кэйко. – Я найду способ дать знать, когда буду готова. Рано или поздно господин Нагасава куда-нибудь уедет, и я стану свободнее...

Акира вздохнул, продолжая молчать. «Стану свободнее!» Быть свободным – это ни о чем не думать, никого не любить, быть никем и ничем, ни к чему не стремиться. Желание – как цепи, надежда – как острие меча у горла, а неопределенность и вовсе – болото без огней. Так считали многие из тех, кто служил у князя. Но Акира был готов поверить в другое: свобода – это обладание тем, что способно подарить счастье.

Впрочем, едва ли такая свобода будет долгой! Нагасава немедля отправит по их следу своих воинов, и, если поймает, оба умрут страшной смертью! Но все же стоит рискнуть!

Желая вернуть божественный сон, он снова сжал Кэйко в объятиях...

ГЛАВА 5

*Разумом здравый
Станет ли в чем-нибудь клясться?
Все так зыбко вокруг.
Тропами сна блуждая,
Мы сами не знаем, кто мы.*
Тайра Садафуми¹⁴

Шло время. Они благополучно вернулись в Сэтцу. Кэйко не давала о себе знать. Помня ее обещание, Акира думал, что, по-видимому, у нее нет возможности передать ему послание, и продолжал ждать, не подозревая о том, какие события происходят в замке Нагасавы.

Однажды господин вернулся с соколиной охоты с хорошей добычей, и женщины сразу взялись потрошить дичь, чтобы управиться до ночи. Вдруг Кэйко вскочила с места и выбежала из помещения, прикрывая лицо рукавом. Тиэко-сан с усилием выпрямила согнутую спину и тревожно посмотрела вслед. Потом вышла, ничего не сказав служанкам, которые продолжали ощипывать птиц.

Кэйко стояла на залитой поздним солнцем веранде. Это было зловещее солнце, оно пылало кровью на западе, озаряя вершины гигантских криптомерии и их толстые, в несколько обхватов, стволы. Стояла тишина, и в ней слышалось частое дыхание девушки. Было видно, что ей дурно, и в то же время ее глаза, казавшиеся особенно яркими на побледневшем лице, сияли загадочным, торжествующим блеском.

– Что это ты? – с нарочитой небрежностью произнесла Тиэко-сан. – Тебе лишь бы увиливать от работы. Возвращайся обратно.

Девушка слегка откинула назад голову, и на ее нежных губах сверкнула презрительная улыбка.

– Да, я не люблю работать. Не хочу и не буду!

Тиэко-сан на мгновение застыла. В ее взгляде сгустился мрак. Такая дерзость поистине граничила с сумасшествием.

– Вот как? – произнесла она, и в этом вопросе, как и во всей ее позе, было что-то выжидающее.

– Да! И если вы посмеете меня ударить, вам отрубят руку!

Тиэко-сан замолчала. Она молчала достаточно долго для того, чтобы Кэйко ощутила некоторую растерянность. Потом женщина все-таки задала неизбежный вопрос:

– Почему?

И тут Кэйко бросила в лицо своей мучительнице:

– Потому что я подарю господину наследника!

Тиэко-сан схватила ее за руку.

– Ты ждешь ребенка?!

Услышав в ее голосе радость, Кэйко отпрянула от удивления. – Да...

– Нужно поскорее сообщить господину. – В тоне Тиэко-сан слышалось что-то притворное – это еще больше сбило Кэйко с толку.

– Вы сами скажете? – пролепетала девушка.

– Да, – твердо произнесла Тиэко-сан. – Я отвечаю за тебя, за твое поведение, потому будет лучше, если именно я сообщу ему эту новость. А ты иди. – Она говорила ласково, как если бы Кэйко была ее дочерью. – Не работай больше. Отдыхай.

¹⁴ Перевод Л. Васильевой.

Кэйко попыталась освободить руку, и Тиэко тут же разжала пальцы. У старухи было странное, зловещее выражение лица. Тихонько повернувшись, девушка выскользнула с веранды.

Той же ночью уже начавшая засыпать Кэйко вдруг почувствовала, как ей на плечо легла чья-то рука. Испуганно вздрогнув, она открыла глаза. Было темно, но девушка услышала знакомый голос, голос Нагасава:

– Так это правда?

От него веяло какой-то высшей силой – силой, способной менять судьбы других людей, управлять их желаниями и волей.

– Да, – осторожно ответила она.

– С завтрашнего дня я начну восстанавливать сад. Тот уголок с прудом был давно заброшен – это неестественно, я знаю, но разве можно признать естественным отсутствие в доме детей? Там все будет устроено так, как ты хочешь. Ты не возражаешь?

Небывалое дело – мужчина спрашивает совета у женщины! Кэйко поняла, что ей уготована роль даже не императрицы – богини! И она царственно произнесла:

– Не возражаю...

Несколько дней она наслаждалась своим новым положением. Ее оставили в покое – никто не заставлял работать, Тиэко-сан была приветлива, служанки почтительны, господин Нагасава смотрел как на святую, не решаясь даже приблизиться, не то чтобы коснуться рукой.

А потом однажды утром Тиэко вошла в главную комнату замка и остановилась, глядя на коленопреклоненного Нагасава. Он не двигался: то ли молча молился, то ли просто замер в раздумье. Было еще рано, туман плыл над землей, стирая привычный пейзаж; он заползал с веранды, его седые шевелящиеся щупальца были повсюду: мир-иллюзия, мир-призрак, мир-обман, где непрочно многое из того, что кажется гранитом.

Тиэко смотрела на Нагасава, как хищная птица смотрит со скалы на ничего не подозревающую добычу. Но стоило ей задуматься о будущем, как в хищника превращался Нагасава, – она испытывала привычный трепет перед его властью, властью господина, правителя и мужа. И все-таки он не был властен над ее тайными помыслами, желаниями и минутными движениями души.

Внезапно Нагасава повернулся: то ли просто решил встать, то ли каким-то образом уловил ее присутствие.

– Тиэко! – произнес он, поднимаясь с колен. – Свершилось, Тиэко! Мальчик... Или даже пусть сначала дочь, потом сын – неважно!

Женщина молчала. Ей было странно смотреть на этого человека, утратившего спокойствие, а месте с ним, как ей казалось, и часть своего достоинства правителя и самурая. Куда подевалась та благородная сдержанность силы, утонченная мудрость, уравновешенность ума? И все из-за проклятой девчонки!

Последняя мысль придала ей сил.

– Я благодарен богам, – сказал Нагасава, и Тиэко усмехнулась уголками губ.

Вот пример иллюзорности человеческого представления об истине. Сейчас истиной (и какой!) владела она, владела и любовалась ею, таинственным, сверкающим непостижимыми недрами кристаллом, поворачивая его так и эдак... Через секунду она преподнесет его Нагасава в благодарность за годы отверженности и одиночества!

– Мне кажется, вы должны благодарить Ясуми, мой господин! – сказала она, и в ее голосе звенел лед.

Нагасава выпрямился.

– Ясуми?! Как ты смеешь произносить это имя! При чем тут Ясуми?

Тиэко не дрогнула под его взглядом. Теперь ее голос зазвучал по-другому, вкрадчиво, мягко:

– Я о молодом Ясуми, которого все называют Ото-мо. Но ведь он сын того... Я всегда об этом помнила.

Нагасава понял значение ее последних слов. Умерив свой гнев, он настороженно ожидал продолжения.

– Я их видела: вашу любимую наложницу и этого преданного вам самурая. Сначала они забавлялись в офуро, а потом перешли в ее комнату.

Нагасава ощутил ледяное прикосновение ее слов к своему сердцу. Внезапно ему стало трудно дышать. А Тиэко стояла, спокойная и прямая, привычно сложив спрятанные в складках неяркого одеяния руки.

– Когда это было?

– В ночь последнего большого пожара. Этот человек явился в замок по вашему приказу. А она... Все женщины работали, а она, – Тиэко сделала особое ударение на этом слове, – принимала ванну.

– И ты уверена, что они...

– Ни на ней, ни на нем не было ни клочка одежды, и потом, пусть я стара, но еще могу отличить, когда люди просто разговаривают или моются, а когда...

– Замолчи! – приказал он. перевел дыхание и спросил: – Почему я не узнал об этом раньше?

Тиэко не произнесла ни слова. Он прочитал ответ на ее лице.

– Ты понимаешь, чего заслуживаешь?

– То, чего я, по-видимому, заслуживаю, я получила уже давно, если только вы не говорите о смерти.

– Только не лги, что хочешь умереть!

– Мне это безразлично.

И тут Нагасава произнес нечто неожиданное:

– Почему я должен тебе верить?

Тиэко опять промолчала. Он мог и не верить, но что это меняло в сути происходящего? Внезапно ей почудилось, что она поняла. Нагасаве не была нужна правда, он предпочел бы жить в неведении, воспитывать и боготворить ребенка, которого родила бы Кэй-ко, быть самодовольным и спокойным. Он боялся стать окончательно побежденным – равнодушными богами, подлыми людьми, жестокой судьбой. Слова Тиэко не просто лишали его пьедестала, они разверзли под его ногами бездну, в которой, наверное, можно было отыскать что угодно, кроме единственно главного – смысла жизни.

– Я прикажу ей явиться сюда, – сказал Нагасава. Прошло несколько томительных минут, и наконец пришла Кэйко, прекрасная и трогательно кроткая, похожая на горный цветок. Ее волосы лежали надо лбом мягкими прядями и, искусно подвернутые, красиво ниспадали на шею. Она была одета в белое, отливающее глянец кимоно с темно-синим узором, рукава которого украшал тонкий, сплетенный из белых нитей шнур. Тиэко с первого взгляда определила, что ткань ручной росписи, и ее глаза стали угольно-черными от ненависти. Нагасава не покупал ей таких нарядов, даже когда она была юной девушкой! Ну ничего, скоро все будет кончено! Она еще увидит пятна крови на этом глянцевом шелке, следы боли на полном притворства красивом лице!

Нагасава долго смотрел на девушку. Он чувствовал, что у него неостанет сил повторить обвинения и сделать шаг в пропасть. И все-таки нужно решиться...

– Тиэко-сан утверждает, что ты и... – он запнулся. – ...Отомо совершили страшное преступление, наказанием за которое может стать только смерть. Что ты можешь сказать?

Он смотрел с горячей настойчивостью – вечный отпечаток скрытности исчез с его лица, он был полон ожидания и... надежды.

И Нагасава, и Тиэко ждали чего угодно – смертельного испуга, крика, плача, мольбы, но... Кэйко спокойно произнесла:

– Кто такой Отомо?

Ее глаза были наивны и чисты.

– Ты задаешь глупые вопросы.

– Я не понимаю, о ком вы говорите.

– Неужели ты ни разу не видела человека по имени Отомо?

Кэйко поклонилась:

– Может быть, видела, но я не знаю по именам всех ваших самураев, мой господин.

Нагасава бросил взгляд на Тиэко. Та стояла молча.

– Что ты делала в ночь последнего большого пожара?

Девушка свела тонкие брови:

– Не помню...

Нагасава взялся рукою за меч. Его губы задергались, глаза сверкнули.

Кэйко отшатнулась, инстинктивно прикрыв рукавом лицо.

– Я не понимаю, в чем вы меня обвиняете... – В ее голосе был испуг и... искреннее недоумение.

Нагасава медленно повернулся к Тиэко. На его лице читалось почти физическое страдание, между тем как лежащая на рукоятке меча рука безжизненно застыла.

– Тогда умрешь ты!

– Я готова умереть, я хочу умереть, особенно сейчас, когда вижу, как она издевается над вами!

Кэйко возмущенно вскрикнула, и Нагасава опять повернулся к ней. Было заметно, как его покидают остатки самообладания.

– Отвечай, ты спала с Отомо?! Не притворяйся, Тиэко-сан видела вас в ночь пожара!

И Кэйко произнесла с непоколебимой уверенностью, которой мог бы позавидовать дающий клятву самурай:

– Тиэко-сан лжет. Я спала в ночь пожара одна, а не с кем-то. Она хочет меня уничтожить...

– Я сам уничтожу тебя, если узнаю, что ты притворялась, – сказал Нагасава и прибавил: – Теперь иди. И ты иди, Тиэко...

Он не заметил, как они исчезли. Нагасава остался один. Несколько минут он не двигался и смотрел на мутную завесу тумана, отделявшую его замок от остального мира. Раньше он любил глядеть на горы и думать о том, как они независимы, велики в своем одиночестве и одновременно равнодушны к нему. Прошло много лет, и это самое одиночество стало его жизнью, он привык к нему, как привык к своим мечам, одежде, волосам, коже. Но сейчас ему вновь захотелось бросить взгляд туда, чтобы сравнить, понять, позавидовать и... поучиться. Но гор не было видно. Не было видно ничего.

Нагасава вздохнул. Едва ли не впервые в жизни в трудной ситуации он предпочел бы бездействие, но знал, что это невозможно. Невозможно выбрать то, что посередине. Или Кэйко, или Тиэко, жизнь или смерть, цветущий сад или серая пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.